

Сергей Беляков

Тень Мазепы

Украинская нация
в эпоху Гоголя

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Сергей Беляков

**Тень Мазепы. Украинская
нация в эпоху Гоголя**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 94(477)"18"
ББК 63.3(4Укр)46

Беляков С. С.

Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя / С. С. Беляков —
«Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-120117-3

Сергей Беляков – историк, литературовед, автор биографии-бестселлера «Гумилев сын Гумилева» (премия «БОЛЬШАЯ КНИГА»). Соединяя дотошность историка с талантом рассказчика, в новой книге «Тень Мазепы» он совершает, казалось бы, невозможное: фундаментальное исследование, основанное на множестве источников, оказывается увлекательнее романа. Здесь гетманы вершат судьбы Войска Запорожского и слышна козацкая речь, здесь оживает в ярких запахах, звуках, красках волшебный мир малороссийской деревни, здесь биографии великих писателей и поэтов – даже Шевченко и Гоголя – лишь часть общей биографии и судьбы... Здесь рождается нация. «Я хотел доказать, что история национализма – это не сборник скучных “идейных” текстов, не история политических партий или движений, не эволюция политических программ. Это – интересный мир, полный страсти, энергии и творчества». Сергей Беляков

УДК 94(477)"18"
ББК 63.3(4Укр)46

ISBN 978-5-17-120117-3

© Беляков С. С., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть I	6
С чего начинается Украина?	6
Украина и Малороссия	9
Полтава – столица Малороссии	12
«Наш Киев дряхлый...»	17
Слободская Украина	21
Харьков	25
Новороссия	27
Часть II	34
Западные русские	34
Черкасы и «хохлы бесовские»	38
Народ малороссийский	41
Страна козаков	44
Украина це окраина?	47
Часть III	52
Русский взгляд на украинца	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Беляков

Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя

- © Беляков С. С.
- © ООО «Издательство АСТ»
- © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
- © Государственный литературный музей, Москва

Часть I

География нации: граница и земли

С чего начинается Украина?

Где начинается Украина? Восточная граница современного украинского государства сложилась в двадцатые годы двадцатого века, когда на карте появилась Украинская Советская Социалистическая Республика. Штрихи к этой границе добавляли уже после смерти Ленина. Возвращали советской России Шахты и Таганрог, подаренные было советской Украине, передавали УССР русский Путивль. Решения о границе принимали тогда в ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР, их визировал ЦИК СССР. В декабре 1991-го эта граница, прежде внутренняя, административная, стала государственной. Но мало кто из русских признает Донецк и Харьков чужими городами. Он скорее согласится отнести границу далеко на Запад – к Тернополю и Львову, в бывшую Восточную Галицию, польскую, потом австрийскую и снова польскую провинцию.

Но разве у соседних Волыни и Подолии меньше оснований называться украинскими землями, чем у Галичины? А Поднепровье, родина Тараса Шевченко? Запорожье, прославленное в народных думах, которые распевали слепые бандуристы еще полтора столетия назад? Или Полтавщина, которая подарила миру не только Гоголя, Гнедича, Боровиковского, но и Петлюру? Разве всё это не Украина?

«Идите от Москвы на юг, и вы увидите, что, постепенно находя изменения, за Десной и Семью вы перешли к народу, совершенно отличному от нас, чистых руссов. Язык, одежда, облик лица, жилища, мнения, поверья – совершенно не наши!»¹ – отмечал в 1830 году издатель «Московского телеграфа» Николай Полевой.

Для русских путешественников начала XIX века русско-украинская граница проходила не на Волыни или в Галиции, а много восточнее, где-то между малороссийским Глуховом и великорусским Севском: «Восхождение солнца мы видели в области хохлов, а заходу его кланялись в России»², – писал князь Иван Михайлович Долгорукий в 1817 году.

Князь всего-навсего покинул Черниговскую губернию и переехал в Орловскую. На его пути не было ни широкой реки, ни горного хребта. Однако «область хохлов» даже внешне отличалась от Великороссии. «Вместо ракитника по сторонам дороги красуются высокие развесистые вербы»³. Арбузы зреют не в барских оранжереях под присмотром садовника, а на баштане (крестьянской бахче). Даже вкус яблок и груш как будто совсем другой. Последнее отмечали не только украинцы, вернувшиеся на родину из Великороссии, но и русские путешественники⁴.

И все-таки две страны разделяла прежде всего не география, а этнография. На русско-украинской этнографической границе были и земли, которые трудно разграничить. Жители Северщины очень долго сохраняли особенности бытовой культуры и даже самоназвание «севрюки». Еще в середине XIX века славянофил Иван Аксаков уверенно писал: «Древняя

---

¹ Московский телеграф. 1830. № 17. С. 76. (Здесь и далее названия изданий, вышедших до 1918 года, даются в современной орфографии. – Прим. авт.)

² Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. – М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. С. 191.

³ Шевченко Т. Г. Капитанша // Зібрання творів: у 6 т. Т. 3. Драматичні твори. Повісті. – Київ: Наукова думка, 2003. С. 293.

⁴ См.: Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Мое путешествие кое-куда 1810 года. – М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. С. 46.

Северия – не Малороссия»⁵. «Севрюки» к тому же носили бороды, что сближало их с русскими крестьянами – их восточными и северо-восточными соседями.

На севере Черниговской губернии жили белорусы и русские староверы, причем русские резко отличались не только своими традициями и одеждой, но и внешностью: «...великолепное раскольничье население, бодрое, богатое, промышленное: всё народ крупный и рослый, но несколько угрюмый и суровый на вид»⁶. Зато южные уезды Черниговской губернии имели типично малороссийский облик: белые хаты, живописно разбросанные между холмов и долин, приветливо выглядывали «из-за зеленых садов своих»⁷.

К юго-западу от Севска, Рыльска, Белгорода постепенно исчезали деревни, застроенные бревенчатыми избами, нередко курными, то есть топившимися по-черному, без трубы⁸. Вместо них появлялись слободы, застроенные чистенькими мазанками, белеными известью изнутри и снаружи. «В первом селе Черниговской губернии уже беленькие хатки, соломой крытые, с дымярами, а не серые бревенчатые избы. Костюм, язык, физиономии – совершенно всё другое. И вся эта перемена совершается на пространстве двадцати верст. В продолжение одного часа вы уже чувствуете себя как будто в другой атмосфере»⁹, – замечал герой Тараса Шевченко.

Дорога в Харьков, столицу Слободской Украины, отмечена теми же приметам. Русский издатель, библиофил и путешественник Николай Сергеевич Всеволожский в 1836 году приехал в Белгород. На почтовом дворе «насилу разбудил двух малороссиян», те лениво запрягли лошадей и поехали. Прекрасный русский Белгород, «наполненный церквями и монастырями»¹⁰, остался позади, начиналась другая страна: «Здесь чувствуешь уже совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! Народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, всё принимает другой вид»¹¹.

Ивану Аксакову переход от Великороссии к Малороссии казался более плавным, постепенным. Только между Харьковом и Полтавой началась «настоящая Хохландия»¹².

Другой климат, другая природа, другое жилье, другой народ. «Здесь я уже почитал себя в чужих краях»¹³, – признавался князь Долгорукий. В этой «чужой земле» он благодарил Бога не только за встречу с сестрой и зятем, но даже обрадовался русскому торговому мужику, который вез серу из Одессы в Москву. А уже на правобережной Украине, под Новомиргородом, князь увидел селение, основанное русскими крестьянами из Обояни, и «с удовольствием любовался на сарафан нашего покроя, какого уже давно не видал»¹⁴. Как будто и правда в другую страну приехал и нашел там соотечественников.

Славист Измаил Срезневский вырос в Харькове в те годы, когда этот город был центром украинской культуры. Учился в Харьковском университете, где преподавали не только русские и немцы, но и «природные малороссияне» вроде профессора Гулака-Артемовского, одного из основоположников современной украинской литературы. Срезневский увлекался украинской культурой, слушал кобзарей, записывал народные песни и думы, но оставался именно русским человеком. В шестнадцать лет он писал матери: «Вы знаете, маменька, как я любил слушать рассказы <...> о моей милой родине и о русских; я желал, подобно птичке полуденной, вскорм-

⁵ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1994. С. 306.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Впрочем, малороссийские хаты тоже бывали курными еще в начале XIX века.

⁹ Шевченко Т. Г. Капитанша. С. 293–294.

¹⁰ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. С. 108.

¹¹ Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. Т. 1. – М., 1839. С. 11.

¹² Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1988. С. 401.

¹³ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 64.

¹⁴ Там же. С. 206.

ленной на чуждой стороне, полететь на свою невиданную родину»¹⁵. Значит, даже Харьков представлялся ему уже «чуждой стороной».

В отличие от людей XIX века, Лидии Яковлевне Гинзбург был доступен взгляд сверху, с низколетящего самолета, и различие двух миров, украинского и русского в ее описании даже нагляднее, чем у Аксакова, Всеволожского или Долгорукого: «...на воздушном пути из Украины в Россию вы видите с учебно-экскурсионной наглядностью, как кончаются белые, зеленые, сумбурные деревни, как начинаются деревни голые, деревянные, пополам разделенные дорогой»¹⁶.

---

¹⁵ Из переписки И. И. Срезневского (1829–39 гг.) // Киевская старина. 1901. Т. 73. Июнь. С. 325.

¹⁶ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: Искусство, 2002. С. 146.

Украина и Малороссия

Эти слова в гоголевское время могли быть синонимами, а могли обозначать особые исторические области. Малороссия – это и все земли, населенные малороссиянами (украинцами), и только левобережье Днепра¹⁷, бывшая Гетманщина (территория Полтавской и Черниговской губерний). Украина в широком смысле охватывала все населенные украинским народом земли от Харькова до западных рубежей Волыни и Подолии. Но Украина в узком смысле – это всего лишь Поднепровье.

Тарас Шевченко не сомневался в единстве украинского народа и украинских земель, но даже он, случалось, подчеркивал превосходство его родного Поднепровья, именно его называя Украиной: «Бедная, малосильная Волынь и Подолия, она охраняла своих распинателей (польских шляхтичей. – С. Б.) в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы. <...> ворога деспота под ноги топтала и свободная, нерастленная умирала...»¹⁸.

Волынь и Подолия, конечно, тоже украинские земли, да и зря Тарас Григорьевич упрекал их в слабосилии. Подольские левенцы во времена Хмельницкого были храбрецами и головорезами, отбивались от турок, татар и ляхов, ходили с войском Тимоша Хмельницкого воевать в Молдавию и Валахию. Но геополитическое положение этой страны было губительным: до начала XVIII века она оставалась полем битвы между Польшей и Османской империей. Разоренная, обескровленная земля, которую в те времена не смогли освободить ни Войско Запорожское, ни регулярная армия русского царя.

Волынь очень долго была цитаделью православия. Именно здесь святое Евангелие впервые перевели на народный язык, который теперь называют западнорусским или староукраинским. На Волыни располагались владения Константина Острожского, великого просветителя и мецената. Острожский приютил у себя бежавшего из Москвы русского первопечатника Ивана Федорова, открыл школу, не уступавшую иезуитским коллегиям (тогда лучшим средним школам Европы), под его опекой и за его счет была создана Острожская Библия – первая печатная Библия православного мира. Но и Волынь оставалась под властью Польши до самого конца XVIII века. Там стояли замки польских магнатов, в многочисленных костелах пели *Te Deum*, а униаты уже не только славили имя папы Римского, но всё больше и больше подражали католикам даже в обрядах, одежде, манере держаться. Лишь в николаевское время развернулось масштабное контрнаступление русского православия. Греко-католиков вернули в православие, а в 1832 году, после двадцатилетнего перерыва, стены Почаевской лавры услышали настоящую православную обедню.

Однако последствия польского господства, долгих войн «за веру», гайдаматчины ощущались на правобережной Украине даже спустя много десятилетий после ее присоединения к России. В 1842 году профессор Погодин отмечал, что на правом берегу Днепра Малороссия имеет «уже другой характер»: селений мало, «кое-где видишь грязный шинок, и только»¹⁹.

Украинские земли продолжались и к западу от российско-австрийской границы. Под властью австрийского императора, который по совместительству был и венгерским королем, жили русины Галиции, Буковины и Закарпатья. Закарпатских русинов в России называли карпато-россами и не причисляли к малороссиянам. Галиция находилась под иноземной властью

¹⁷ См.: Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 119.

¹⁸ Шевченко Т. Г. Прогулка с удовольствием и не без морали // Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. Повісті. С. 266.

¹⁹ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. Т.2. / изд. подгот. В. И. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 481.

со второй половины XIV века, хотя все ее названия были связаны с Древней Русью. «Королевство Галиция» напоминало о Галиче, древней столице страны, некогда славной именами Ярослава Осмомысла и Даниила Галицкого. Слово «Лодомерия» отсылало к городу Владимиру (Владимиру-Волыньскому) и к памяти равноапостольного князя. Наконец, во времена Речи Посполитой на землях Галиции располагалось Русское воеводство, а в России писатели, этнографы, историки называли эту страну Червонной Русью. Но пусть не смущают читателя слова «Русь» и «русские», они здесь обманчивы. Землевладельцами там были поляки, городское население составляли поляки и евреи. В XVII веке войска Богдана Хмельницкого занимали почти всю Галицию и брали в осаду Львов, но не сумели освободить. В начале XVIII века видела Галиция козаков²⁰ гетмана Мазепы, однако и те вынуждены были оставить Червонную Русь в польских руках. При разделах Речи Посполитой Русское воеводство досталось империи Габсбургов. Но многочисленное крестьянское население Галиции не забыло своего родства с народом Украины. Русские и украинские ученые удивлялись, до чего же «червонорусские» села походили на малороссийские.

По словам фольклориста Платона Лукашевича, Галиция уже в тридцатые годы XIX века отличалась даже большей приверженностью ко всему украинскому, чем собственно Малороссия. Галичане, правда, исповедовали униатство, но приезжий этнограф с удивлением замечал, что «нравы и обычаи их нисколько не разнятся от малороссийских»²¹. Более того, галичане даже лучше знали и охотнее пели украинские народные песни и всячески подчеркивали свое родство с украинцами из России.

Из книги Платона Лукашевича «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни»: «Украина, Малороссия, есть для их сердца обетованная земля, куда стремятся все их помыслы и думы. С какою заботливостью галичанин расспрашивает заезжего из России гостя о судьбе своих братьев украинцев, он с радостью разделит с ним свою убогую трапезу, чтобы узнать что нового об украинских казаках»²².

Но время Галиции пока не пришло. Это все-таки была далекая окраина украинского мира. Власти Австрийской империи еще не пытались использовать русинов как противовес полякам Галиции, а потому эффективно давили все проявления национального возрождения. «Зорю», первый альманах, подготовленный местными просветителями-русинами в 1834 году, цензура запретила. Новый альманах «Русалка Днистровая» удалось напечатать в Пеште. Событие было важное: авторы «Русалки» писали на народном языке, то есть на диалекте украинской мовы, распространенном в Галиции. Они впервые использовали фонетическое письмо (на основе кириллицы). Но как только тираж привезли во Львов, альманах был запрещен. До читателя дошло сто или двести экземпляров. Один из создателей альманаха, поэт Маркиан Шашкевич, вскоре умер в нищете и безвестности. Только в 1848-м, через одиннадцать лет после издания, запрет удалось снять.

Исторические земли – понятие текучее, непостоянное. История меняет и политические, и этнографические границы. Древняя Иония, родина Гераклита и Геродота, становится побережьем турецкой Анатолии. Рашка, в Средние века центр сербской государственности, превращается в албанское Косово. Южная Венгрия становится сербской землей Воеводиной.

Императрица Екатерина ликвидировала Запорожскую Сечь, раздала земли русским и малороссийским помещикам, немецким колонистам и даже молдаванам и сербам. Запорожье стало частью обширной и богатой Новороссии. Но эта же императрица подарила запорожцам

²⁰ Чтобы не путать казаков русских (донских, терских, уральских) с казаками украинскими, мы будем называть последних по-украински «козаками», а слово «казачий» там, где это допустимо, заменять на «козацкий». Так поступал еще Николай Васильевич Гоголь, начиная с первых изданий «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Будем следовать здесь гоголевской традиции. Исключение – цитаты из документов и художественных произведений.

²¹ Лукашевич П. Малороссийские и Червонорусские народные думы и песни. – СПб.: Тип. Эдуарда Пгаца и К, 1836. С. 107.

²² Там же. С. 103–104.

новую землю. Если Галиция, Буковина и Закарпатье были западной окраиной украинского мира, то окраиной юго-восточной можно назвать Тамань и низовья реки Кубани.

На правом берегу Кубани (левый был еще во власти воинственных черкесов – адыгских племен) появилась новая Малороссия. Даже город Екатеринодар, столица Черноморского войска, в первой половине XIX века напоминал большое малороссийское село, беспорядочно застроенное обычными украинскими хатами-мазанками²³. Помимо этих мазанок и общественных зданий в Екатеринодаре построили сорок куреней-общезитий для холостых козаков²⁴. Такие курени стояли прежде на Сечи²⁵.

Долгое время на Кубани существовало и старинное запорожское деление на курени, а не на станицы. «Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, под их военной кавказской оболочкой, черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном. Напев на клиросе, веснянка на улице, щедрованье под окном, жениханье на вечерницах и выбеленный угол хаты <... > всё напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину»²⁶, – писал Иван Диомидович Попко, один из первых историков черноморского казачества.

Если все великорусские земли уже много веков жили в одном государстве под властью одного русского царя, то земли украинские были разделены не только административными, но нередко и государственными границами. Больше века просуществовала граница по Днепру между «русской» и «польской» Украиной. Тем не менее связь между этими землями не прерывалась, а украинцы Левобережья были готовы разделить историческую судьбу украинцев Киевщины и Подолья. Во время восстания гайдамаков 1768 года, когда большая часть правобережной Украины еще была под властью Польши, малороссийский генерал-губернатор Петр Александрович Румянцев с тревогой писал, что не ручается за «здешних жителей», которые желают идти на помощь повстанцам-гайдамакам, подданным польской короны²⁷.

Тарас Шевченко вскоре после выхода первого издания «Кобзаря» и «Гайдамаков» несколько раз побывает на Украине, а в 1845–1846 годах станет сотрудником Археографической комиссии, что позволит ему много путешествовать по малороссийским землям. Он объезжает и бывшую Гетманщину, и Поднепровье, доберется и до западных границ Волыни. Наблюдения, сделанные тогда, он использует десять лет спустя, когда будет работать над повестью «Прогулка с удовольствием и не без морали». В уста своего героя Шевченко охотно вкладывает собственные мысли: «От берегов тихого Дона до кремнистых берегов быстротекущего Днестра – одна почва земли, одна речь, один быт, одна физиономия народа; даже и песни одни и те же. Как одной матери дети»²⁸.

---

²³ См.: Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. – М.: Вече, 2014. С. 37.

²⁴ См.: Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 207.

²⁵ Курень – это и общежитие, точнее – казарма для козаков, и административная единица, вроде донской станицы. Чтобы не путать те и другие курени, историк Лазаревский называл последние «куренными селами». См.: Там же. С. 207.

²⁶ Попко И. Д. Черноморские казаки... С. 29–30.

²⁷ Цит. по: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя і творчість. – Київ: Києво-Могилянська академія, 2008. С. 161.

²⁸ Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. С. 266.

Полтава – столица Малороссии

При первых гетманах – Хмельницком, Выговском, Дорошенко – столицей Гетманщины был Чигирин, город на реке Тясмин, что на правом берегу Днепра. Но под угрозой турецкой оккупации Чигирин будет оставлен, его укрепления – взорваны. При гетмане Мазепе столица размещалась в Батурине – небольшом городе, на украшение которого могущественный и богатый Мазепа не жалел средств. Но в ноябре 1708 года князь Меншиков разрушил столицу гетмана-изменника. Иван Скоропадский, Павел Полуботок, Даниил Апостол управляли Гетманщиной уже из Глухова – города на восточной окраине украинских земель. Кирилл Разумовский хотя и принял гетманские клейноды в Глухове, но больше любил Батурин и едва не сделал его фактической столицей Малороссии вплоть до 1764 года, когда вынужден был сложить свои полномочия и стать из малороссийских гетманов русским генерал-фельдмаршалом.

В екатерининские и павловские времена Малороссия пережила несколько административных реформ, завершились они уже при Александре Павловиче. На землях старой Гетманщины появились Черниговская и Полтавская губернии, объединенные властью малороссийского генерал-губернатора. Древний Чернигов, маленькое городишко с населением в 7000 жителей, был полуживым памятником своей былой славе. Только почтение к его великой истории не позволило превратить Чернигов в уездный город.

Полтава как будто не должна была стать центром губернии. Во времена Гетманщины она оставалась одним из полковых городов. Город ни в чем не превосходил, скажем, Нежин или Миргород. Захолустье. Быть бы Полтаве уездным городом, да еще хорошо, если не заштатным. А губерния называлась бы Миргородской или Лубенской. Лубны во времена Гетманщины были гораздо важнее Полтавы. Географическое положение этого города также было лучше: «Природа щедрою рукою рассыпала здесь все дары свои»²⁹. Даже Пирятин, в гетманское время не полковой, а всего лишь сотенный город³⁰, мало чем уступал Полтаве. «Широко и далеко раскидывался он по скату горы над Удаем, часто сверкали кресты церквей между его темными, зелеными садами, шумны были его базары; на них громко гремели вольные речи, бряцали сабли и пестрели казацкие шапки и жупаны; польские купцы привозили туда тонкие сукна и бархат; нежинский грек выхвалял свои восточные товары: то сверкал на солнце острием кинжала, то поворачивал длинную винтовку, окованную серебром...», – писал о Пирятине Евгений Гребенка в романе «Чайковский»³¹.

Но столицу губернии и генерал-губернаторства выбирали в Петербурге, а потому остановились именно на Полтаве, где в 1709 году состоялось сражение, изменившее ход истории не только России, Швеции, Прибалтики, но и Украины.

Полтава быстро обогнала в развитии и маленькое Чернигов, и Лубны, и Ромны, и прелестный, утонувший в черешневых садах Миргород. Если верить воспоминаниям российского военного историка академика А. И. Михайловского-Данилевского, который участвовал вместе с императором в очередных торжествах, посвященных Полтавской виктории, Полтаву уже при Александре I называли «столицей Украины»³².

²⁹ Левшин А. Письма из Малороссии. – Харьков: Унив. тип., 1816. С. 17.

³⁰ Территория Гетманщины делилась на полки, полки – на сотни. Центром полка был полковой город (місто полкове, полковий центр), где находилась полковая канцелярия. В полк входили 15–20 сотен. Две – четыре сотни, как правило, были приписаны к полковому городу, остальные являлись не только военными, но и административными единицами. Резиденция сотника и сотенного писаря располагалась в сотенном городе или селе (сотенно місто).

³¹ Гребенка Е. П. Чайковский: роман. Повести. – Киев: Днипро, 1988. С. 21.

³² Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии: очерки по архивным данным с рисунками. Вып. 2. Отдельный оттиск из журнала «Киевская старина». – Киев: Типо-литография Н. А. Гирич, 1906. С. 71.

Столицей Украины управляли русские аристократы. В 1802-м первым малороссийским генерал-губернатором стал князь Куракин, его сменил князь Лобанов-Ростовский, сенатор и камергер, а ему на смену пришел князь Николай Репнин, женатый на Варваре Разумовской, внучке последнего гетмана. Собственно говоря, настоящей фамилией князя Николая Григорьевича была – Волконский. Но старинный род Репниных прервался, и князь по высочайшему повелению принял фамилию матери – Александры Николаевны Репниной, статс-дамы и дочери фельдмаршала. Николай Григорьевич Репнин (Волконский) был известным дипломатом и военным. При Аустерлице получил тяжелое ранение и попал в плен, как князь Андрей из «Войны и мира», но в остальном мало походил на героя Толстого. Уже в 1809-м он стал русским посланником при дворе Жерома Бонапарта, короля Вестфалии, затем при дворе его брата Жозефа, короля Испании. В 1813-м Репнин сражался с армией Наполеона, одно время даже управлял Саксонским королевством, освобожденным от французов и их сторонников. Военным губернатором Малороссии Репнин станет в 1818 году и прослужит в этой должности шестнадцать лет.

По словам филолога и историка Осипа Бодянского, Репнин «пользовался необыкновенной привязанностью к нему малороссиян»³³. Укратинофильство Репнина было всем хорошо известно. В 1831-м он снаряжал козацкие отряды на борьбу с польскими повстанцами, доказывал необходимость восстановить на Украине казачество. Его дочери Варваре Николаевне посвящал стихи Тарас Шевченко. Репнина даже подозревали в сочувствии малороссийскому сепаратизму, а следовательно, и мазепинству. Обвинение вполне вздорное, характеризующее скорее его обвинителей. О честности Репнина сохранилось несколько исторических анекдотов. Так, князь будто бы отослал назад преподнесенный ему персидский ковер и приложил записку, что отсылает ковер «за ненадобностью». Впрочем, Репнин, женатый на наследнице огромных земельных владений Разумовских, не особенно нуждался. Он был владельцем двадцати тысяч душ в Полтавской, Черниговской, Нижегородской губерниях.

Впечатления русских путешественников от Полтавы зависят часто от «оптики» самого наблюдателя. От его настроения, от тяжести кошелька, от привычки к приятной, комфортной жизни. Аристократам Вяземскому и Долгорукому Полтава не понравилась. Князь Долгорукий любил телятину и свежие сливки, но на Украине предпочитали свинину, а сливки переводились сразу на сметану. Вот князь и злился, что ему, барину и высокопоставленному чиновнику (он был владимирским губернатором), не могут подать к столу любимые блюда. Край показался ему бедным, Полтава – некрасивым и неудобным местом: «...сколь славен город, столь дурен в натуре. <...> Князь Лобанов уверял меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть может, но я того не приметил...»³⁴

Юному и сентиментально настроенному Алексею Левшину, студенту Харьковского университета, напротив, всё нравилось: «Местоположение Полтавы прекрасно, окрестности ее прелестны»³⁵.

Некоторые детали позволяют воссоздать картину городской жизни. Малороссийские города походили на большие села. В отличие от Харькова, где быстро росло русское торгово-промышленное население, от еврейско-польского Киева, города бывшей Гетманщины – Полтава, Миргород, Ромны, Лубны, Кролевец – были заселены в основном малороссиянами, которые жили в привычных хатах. Если не считать новых каменных зданий в центре Полтавы, то большая часть города была застроена мазанками. Эти чистенькие, беленные известью хаты тонули в зелени садов – яблоневых, грушевых, абрикосовых, черешневых и вишневых. Укра-

---

³³ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 77.

³⁴ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 65, 87.

³⁵ Левшин А. Письма из Малороссии. С. 6.

инцы привыкли жить в окружении любимых садов, а губернаторы озеленяли город по-своему, разбивая бульвары.

Воздух сладостно-струистой
Благовоньем напоен;
Здесь с акацией душистой
Стройный тополь, темный клен...

– писал о Полтаве князь Петр Вяземский³⁶. Но городские удобства были мало известны в Полтаве. Даже тусклые масляные фонари зажигали только по большим праздникам, в особенности если город посещал государь или наследник. Кроме того, Полтава была не мощеным, а значит – очень грязным городом. Кареты состоятельных жителей тонули в грязи. В распутицу экипаж, запряженный лошадьми, часто не мог добраться до места назначения. Горожанам приходилось прибегать к помощи тогдашних малороссийских «внедорожников» – то есть к упряжкам волов. Случалось, что дама в дорогом наряде с брильянтами отправлялась на бал в мужицкой телеге, запряженной этими волами³⁷.

Но и радость смотрит горем:
И в Аркадии моей
Город смотрит грязным морем,
Как придет пора дождей.

Здесь стоит по целым суткам
И по месяцам вода,
И по улицам лишь уткам
Беспрепятственна езда³⁸.

Первые военные и гражданские губернаторы по мере сил благоустроивали Полтаву и старались просвещать ее жителей. Князь Куракин начал строить по тем временам большие (в два-три этажа) присутственные здания. Лобанов-Ростовский открыл в Полтаве театр, а Репнин пригласил из Харькова труппу Штейна, в которой блистал молодой Михаил Щепкин. Актер был еще крепостным, и князь Репнин помог купить ему вольную. В городе появились гимназия, институт благородных девиц и даже «школа чистописцев», куда принимали сирот из воспитательных домов и готовили их к службе в канцелярии. Нерадивых учеников потом записывали в податное сословие, способные и старательные могли сделать карьеру чиновника. В России было всего две такие школы – в Полтаве и в Ярославле³⁹.

Еще раньше этой школы появился в Полтаве «Дом для воспитания бедных дворян», его «надзирателем» (директором) стал отставной кавалерийский офицер Иван Петрович Котляревский. Он же служил содиректором театра, для которого написал свои знаменитые комедии «Наталка-полтавка» и «Москаль-чаровник». Их и теперь ставят в украинских театрах. После того как в Петербурге в 1798 году вышло первое издание «Энеиды», где герои Вергилия заговорили языком запорожских козаков, Иван Петрович стал местной достопримечательностью. Его представляли автором «Энеиды» и даже «переводчиком» Вергилия на малороссийский

---

³⁶ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 4. Стихотворения 1828–1852. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. С. 340.

³⁷ См.: Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 67.

³⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. С. 340.

³⁹ Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 72–73.

язык, хотя поэма Котляревского, конечно же, не перевод и не пересказ, а пародия⁴⁰. Тогда еще трудно было предвидеть, что с этой веселой поэмы начнется история современной украинской литературы, а Иван Петрович окажется предшественником Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко.

«Энеиду» несколько раз переиздавали, сначала в Петербурге, потом – в Харькове. В Полтаве же долгое время не было ни издательства, ни типографии, ни библиотеки. Адмирал Мордвинов предложил генерал-губернатору Репнину открыть в «столице Украины» публичную, открытую для читателей всех сословий библиотеку и обещал прислать для нее книги, изданные Вольным экономическим обществом и Академией наук. В 1830 году библиотеку открыли, библиотекарем назначили смотрителя полтавского уездного училища. За двенадцать лет, с 1830 по 1842-й, библиотека пополнилась только на 310 книг (416 томов), в основном это были подарки. Но книги пылились, сложенные в кипы, потому что жители Полтавы «не интересовались чтением и не посещали библиотеки». Библиотекарь И. Зозулин просил 450 рублей на содержание библиотеки, однако мецената не нашлось. Зозулина поддержал губернский предводитель дворянства. Он просил дворян собрать хоть по 15 рублей с уезда, но малороссийские дворяне и по 15 рублей с уезда не дали. Так это полезное для дела просвещения заведение совсем захирело.

Книгам жители Полтавы и дворяне Полтавской губернии предпочитали игру в карты, балы и музыку. У многих богатых малороссийских помещиков были тогда собственные оркестры и капеллы. Украина славилась прекрасными голосами. Еще царь Алексей Михайлович выписывал в Москву малороссийских певчих. В XVII веке их приглашали по рекомендации участников малороссийских посольств, которые регулярно прибывали с Украины в Москву от гетмана, от митрополита, от архимандрита Киево-Печерской лавры. В XVIII веке в придворную капеллу стали набирать не только уже известных певцов, но и молодых людей, одаренных певческим талантом⁴¹. Эта практика сохранилась и в начале XIX века. Знаменитый композитор Дмитрий Бортнянский, сам малороссиянин, писал в Полтаву генерал-губернатору, чтобы тот отобрал для придворной капеллы дискантов и альтов. Правда, музыкальным центром Малороссии был Глухов, а не Полтава. В Глухове еще гетман Даниил Апостол основал певческую школу, в Глухове учился и Бортнянский, и его старший коллега, композитор Максим Березовский. Хотя после смерти Бортнянского в 1825 году эпоха господства малороссиян в Придворной певческой капелле ушла в прошлое, однако и в дальнейшем туда охотно принимали украинских певчих. М. И. Глинка, когда служил капельмейстером придворной капеллы, в 1836 году отправился в «экспедицию» за хорошими голосами. Объехав Черниговскую и Полтавскую губернии, он переманил в Петербург не менее двадцати певчих⁴².

Словом, музыка, живопись и театр были образованным малороссиянам интереснее литературы. Тем удивительнее, что именно Полтавщина стала родиной многих писателей, поэтов, драматургов, переводчиков.

В Полтаве родился Николай Гнедич, автор до сих пор не превзойденного русского перевода «Илиады». Он учился в одной семинарии вместе с Иваном Петровичем Котляревским и Василием Афанасьевичем Гоголем. Сын Василия Афанасьевича не только родился и проведет детство в Полтавской губернии, но и начнет учебу именно в Полтаве, в поветовом (уездном) училище.

В Полтавской губернии родился Евгений Гребенка, украинский и русский прозаик и поэт, подаривший русскому народу плохую, но неотвязную песню «Очи черные». Неподалеку

⁴⁰ Если уж говорить о переводе, то за оригинал надо принять не «Энеиду» Вергилия Марона, а сочинение Николая Осипова «Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку» [СПб.: Изданием И. К. Шнора, 1791–1796].

⁴¹ См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. – Казань: Кн. магазин М. А. Голубева, 1914. С. 317–322, 324.

⁴² См.: Павловский И. Ф. Полтава в XIX столетии. С. 95–96.

от Миргорода в своем имении Обуховке жил Василий Капнист, известный поэт и автор пьесы «Ябеда», одной из самых знаменитых в русской драматургии догоголевской эпохи. Его земляк, Василий Нарезный, хотя и не получил громкой славы, но навсегда занял место в истории русской литературы как создатель жанра русского авантюрного романа. Михаил Херасков, несправедливо забытый автор некогда гремевшей «Россиады», тоже уроженец Малороссии, хотя и не малороссиянин. Когда уже не было в живых Ломоносова, а звезда Державина только загоралась, именно Херасков воспевал триумфы русского оружия торжественными и звучными стихами.

«Наш Киев дряхлый...»

Зимой 1787 года императрица Екатерина впервые увидела Киев, но даже не признала его городом: «С тех пор как я здесь, всё ищу: где город, но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий»⁴³. Императрице гораздо больше понравится Кременчуг. Сопровождавший Екатерину граф Кобленц, посол союзной Австрии, пытался польстить ей, уверяя, что нигде не видел такого великолепия. Но английский посол, не имевший оснований льстить, холодно заметил: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки»⁴⁴.

За восемьдесят лет до визита Екатерины, в разгар Северной войны, когда возникла угроза вторжения Карла XII на Украину, Меншиков осматривал Киев, проверял его готовность к обороне: «Не знаю, как вашей милости понравится здешний город, а я в нем не обретаю никакой крепости, – писал он царю Петру. – <...> в Киеве-городе каменного строения только одна соборная церковь да монастырь»⁴⁵.

До второго раздела Речи Посполитой Киев был не столицей огромного края, а приграничным городом. Польша начиналась уже за Васильковом, где была тогда таможня. По приказу Петра Великого Мазепа выстроил в Киеве Печерскую крепость, которую не решился штурмовать даже Карл XII и предпочел уйти на юго-восток, к слабо укрепленной Полтаве.

Киев начала XIX века был городом небольшим, грязным, провинциальным. Население едва перевалило за двадцать тысяч⁴⁶. Город распадался на три части, разделенные пустырями и глубокими оврагами: старый Киев, Печерскую крепость и торгово-ремесленный Подол. Старый Киев выглядел жалко: убогие лачуги, мещанские хаты-мазанки. В 1817 году из четырех с небольшим тысяч домов настоящих каменных зданий было чуть более сотни (не считая церквей)⁴⁷. Свиньи с удовольствием валялись в лужах около самой Десятинной церкви – древнейшего православного храма на Руси. Мостовые только-только заводили, и были эти мостовые деревянными. В сухое, жаркое малороссийское лето они служили причиной страшных киевских пожаров. Позднее начнут мостить дороги кирпичом, но и это решение окажется неудачным. Колеса панских карет и чумацких возов быстро крошили кирпич, на улицах поднимались клубы пыли из мельчайших частиц кирпичной крошки.

Городского освещения почти не было. Настоящая жизнь кипела на Подоле: бойко торговали киевские мещане, просили милостыню калеки (мнимые и подлинные), шатались без дела голодные и жадные бурсаки. Но зато именно Подол и горел чаще всего, именно Подол заливали днепровские воды при наводнениях. Недаром Николай Костомаров нашел, что Киев много уступает Харькову.

Екатерина Великая, подписав «Жалованную грамоту городам», фактически ликвидировала магдебургское право⁴⁸, уравнивая малороссийские города с великороссийскими. Но ее сын и

⁴³ Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... канд. ист. наук. – Тарту, 2010. С. 46.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. Гл. 3. // Соч.: в 18 кн. Кн. 8. – М.: Мысль, 1993. С. 142.

⁴⁶ См.: История Киева: в 3 т., 4 кн. Т. 2. Киев периода позднего феодализма и капитализма. – Киев: Наукова думка, 1983. С. 126.

⁴⁷ Там же. С. 128.

⁴⁸ Магдебургское право – система городского права, широко распространенная в Польше и Великом княжестве Литовском. Города, получившие магдебургское право, пользовались развитой системой самоуправления с выборными должностями и собственным судопроизводством. Магдебургское право ограничивало или даже сводило на нет власть феодалов и государственных чиновников в городе. На землях Западной Руси «магдебургия» появилась уже в начале XIV века, в последние десятилетия существования Галицко-Волынского княжества. В Российской империи «магдебургия» продержалась достаточно долго. Более того, некоторые города (Полтава, Прилуки) получили магдебургское право только в XVIII веке, то есть уже под

внук вернули Киеву средневековые права и привилегии и подарили «магдебургии» еще тридцать три года. В Киеве восстановили магистрат во главе с войтом⁴⁹, бурмистром и ратманами и даже вернули средневековый счет времени. Трижды в сутки – на утренней заре, в полдень и на вечерней заре – на каланчу выходил трубач: «звук труб раздавался далеко по струям Днепра»⁵⁰.

Как и положено городу с магдебургским правом, Киев располагал даже чем-то вроде собственных вооруженных сил, так называемым киевским корпусом. Командные должности в нем занимали сотрудники магистрата, богатые киевляне служили в кавалерии, цеховые ремесленники и мещане составляли пехоту. На вооружении у киевского корпуса была даже артиллерия. В сражениях это войско участия не принимало, но дважды в год ему устраивали смотры, точнее – парады, которые очень нравились киевским обывателям. Некоторую пользу киевский корпус принес только во время войны 1812 года и в 1831-м, при борьбе с польскими повстанцами. Тогда войска киевского гарнизона пришлось отправить на пополнение действующей армии, а гарнизонную службу вместо солдат исполняли эти киевские ополченцы⁵¹.

Киев русские люди считали своим городом, своим считали его и малороссияне. Между тем по крайней мере до середины тридцатых годов XIX века Киев нельзя было назвать городом вполне русским, а еще меньше – малороссийским. Там пановали гордые поляки, там богатели трудолюбивые евреи.

Русский дворянин Владимир Измайлов писал, будто нигде в России нет столько евреев, сколько в Киеве: «Они встречаются на улицах; улицы населены их домами; дома наполнены ими»⁵². Еврейское население города особенно увеличивалось во время знаменитых «контрактов» – большой ярмарки, известной еще с польских времен. До разделов Речи Посполитой она была во Львове, потом – в Дубно, а в начале XIX века Контрактовая ярмарка обосновалась в Киеве. Во время ярмарки (с 15 января по 1 февраля) население города увеличивалось на десять – пятнадцать тысяч.

Поляков на «контрактах» было не меньше. Хозяева богатейших поместий правобережной Украины сбывали здесь всё, что принесли им оброк и панщина. Именно поляки господствовали в высшем обществе, куда путь даже богатым евреям был закрыт (да они и сами еще не стремились туда). Польский язык в гостиных и на улицах звучал чаще русского или малороссийского⁵³.

В местном театре играли польские труппы. Ставили Шекспира, Вольтера, Гольдони, Шеридана. Русская пьеса в репертуаре была редкостью. С украинской драматургией (Котляревским и Квиткой-Основьяненко) киевляне знакомят гастролеры с левобережной Украины; тогда Киев впервые увидит на сцене Щепкина⁵⁴.

Польские быт и нравы, обычаи и привычки были настолько распространены, что русскому могло показаться, будто он не в древней столице Руси, а в «завоеванном от Польши городе»⁵⁵.

Только после Польского восстания 1830–1831-го Николай I всерьез займется «русификацией» Киева и учредит Киевский университет св. Владимира. Город заново будут отстраивать

властью русского государя. Правда, еще до городской реформы Екатерины II магдебургское право постепенно выходило из употребления на Украине. Малороссийские местечки, заселенные даже не ремесленниками, а крестьянами, мало напоминали средневековые города. Тем не менее окончательно «магдебургия» будет ликвидирована только по инициативе М. М. Сперанского и по воле императора Николая I в 1831 году.

⁴⁹ Войт – глава городской администрации, избиравшийся пожизненно.

⁵⁰ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 302.

⁵¹ См.: Терновский Ф. А. Киевское представительство прежнего времени // Киевская старина. 1882. Т. 2. Май. С. 184–191.

⁵² Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым: в 4 ч. Ч. 1. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. С. 183.

⁵³ См.: Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 61.

⁵⁴ См.: История Киева. Т. 2. С. 168.

⁵⁵ Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 61.

гражданские и военные губернаторы – Фундуклей, Бибиков, Васильчиков. В Киеве появятся хорошие мостовые, зеленые бульвары, целые улицы будут застроены каменными зданиями, а старинные храмы начнут реставрировать и отстраивать. Но польский облик города будет держаться еще очень долго. Многие кафедры в университете займет польская профессура из элитарного Кременецкого (Волынского) лицея. Иван Аксаков, прибывший в Киев осенью 1855-го, заметит, что его товарищей, русских ополченцев, русские православные киевляне встречают с особой радостью, «потому что Киев – город не русский, и польский элемент в нем очень силен»⁵⁶. А ведь с начала «русификации» Киева прошло уже более двадцати лет.

В то же время для самих поляков Киев был городом «чисто русским», или даже «архимосковским»⁵⁷. Лучше правительства его русификации способствовали десятки тысяч русских и малороссийских паломников, наполнявших город. Если зима благодаря ярмарке полонизировала Киев, то лето – русифицировало. Именно в летнее время Киев наполняли богомольцы из Великой и Малой Руси. Их количество колебалось от двадцати до сорока и даже до восьмидесяти тысяч⁵⁸, то есть паломников было больше, чем местных жителей. Шли приложиться к мощам святых в Киево-Печерском монастыре, посетить Михайловский монастырь, Андреевскую церковь. Для них Киев представлял вторым Иерусалимом.

Образованный русский человек, прочитавший хотя бы несколько первых томов «Истории государства Российского» или даже знакомый с «Повестью временных лет», ехал в Малороссию, чтобы увидеть Древнюю Русь и посмотреть своими глазами на святыни Киева. Он знал, что проезжает земли древних русских княжеств – Киевского, Черниговского, Переяславского, – и припоминал историю Киевской Руси. Вот Крещатик (Большая Крещатицкая улица), где князь Владимир велел крестить жителей Киева⁵⁹, вот Софийский собор, а вот руины Десятинной церкви, построенной равноапостольным князем. Остатки Десятинной церкви, некогда найденные знаменитым Петром Могилой, были подлинными, а лаврские пещеры хранили мощи героев знаменитого Печерского патерика.

Высокообразованные господа вспоминали Киевскую Русь, разыскивали в очертаниях киевских церквей, перестроенных еще при Мазепе в манере «украинского барокко», следы древности. Их интересовал Киев воображаемый, а не реальный. Из письма А. С. Грибоедова В. Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 года: «Сам я в древнем Киеве <...> Здесь я пожил с умершими. Владимиры и Ярославы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят – русские чиновники и польские помещики, Бог ведает»⁶⁰.

Помимо уцелевших древностей и книжных воспоминаний Киев мог поразить воображение своим необыкновенным местоположением. Красивейший берег Днепра и сам город, живописно расположенный на холмах, восхищали даже самых искушенных и привередливых наблюдателей.

Русские путешественники обычно приезжали в город с востока, через Бровары. Ранним утром их перевозили через прекрасный и величественный Днепр. В его чистых водах отражались маковки церквей. Вид на Киево-Печерскую лавру завораживал и русских чиновников, и малороссийских крестьян. Так же должен был их впечатлить и отъезд. Даже жёлчный и наблюдательный И. М. Долгорукий перед отъездом любовался красотами Киева с высот Андреевской горы: «Нет ничего прекраснее сего зрелища. <...> Думаю, что в целой России нет ему

⁵⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 373.

⁵⁷ Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 61.

⁵⁸ См.: История Киева. Т. 2. С. 126; Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века... С. 41.

⁵⁹ Крещатик, или Большая Крещатицкая улица, сейчас – Набережно-Крещатицкая улица. Не путать с хорошо известным Крещатиком – главной улицей Киева, который ведет свое название от Крещатого яра.

⁶⁰ Грибоедов А. С. Письмо Одоевскому В. Ф., князю, 10 июня 1825 // Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3. – Пг.: Изд-во Разряда изящной словесности Акад. наук, 1911–1917. С. 175.

подобного. Долго я не мог усидеть в коляске: сяду и опять вон; оборочусь назад – и смотрю на Киев»⁶¹.

У города с древнерусским прошлым, польским настоящим будет и будущее, не только русское, о котором мы, дай бог, когда-нибудь поговорим, но и украинское. Его провозвестником будет Н. В. Гоголь. Несколько месяцев подряд, начиная с лета 1833-го, он будет уговаривать Максимовича перебраться в Киев: «Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем!»⁶²

Гоголь торопил друга, упрекал, уговаривал, соблазнял прелестями жизни на юге, на берегах Днепра: «Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! <...> Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей»⁶³.

Максимович в то время жил в Москве, Гоголь – в Петербурге, где к нему пришла громкая слава. Киев никак не мог сравниться с блистательным Петербургом, современной, богатой и благоустроенной столицей, которую украшали уже и Зимний дворец, и ростральные колонны. Но из Петербурга Киев выглядел совсем иначе. Забывались немощные улицы, темные и грязные, иноплеменная речь, бедные хаты. В памяти оставались великая история и роскошная южная природа: «В моем ли прекрасном древнем обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным прекрасным чудным небом, упоительными ночами, где гора обсыпана кустарниками с своими так гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр»⁶⁴, – писал Гоголь в 1834 году.

Медленно, шаг за шагом, Киев начнет перехватывать роль неофициальной столицы у Харькова и Полтавы. Пока Харьков всё больше русифицировался, а Полтава обращалась из малороссийской столицы в обыкновенный губернский город, Киев, как и положено настоящей столице, начал привлекать ярких и талантливых малороссиян со всех краев. Максимович поселится там, став профессором и деканом, а некоторое время даже будет ректором университета. Николай Костомаров получит приглашение в Киевский университет и прочтет там свою первую лекцию. К тому времени в Киеве будет жить и Пантелеймон Кулиш. Наконец, сам Тарас Шевченко, уже признанный, популярный, любимый образованными украинцами поэт, автор «Кобзаря» и «Гайдамаков», решит обосноваться в Киеве. Он будет участвовать в конкурсе на место учителя рисования при университете и благодаря личным связям получит эту должность.

Давние знакомые, Кулиш, Шевченко и Костомаров, собирались в квартире своего товарища Николая (Миколы) Гулака на заседания своего тайного общества – Кирилло-Мефодиевского братства. Эта организация, которую историки часто называют чуть ли не первым проявлением современного украинского национализма, тоже появилась в Киеве. Если бы не Кирилло-Мефодиевское дело, жить бы Тарасу Григорьевичу не в Орской крепости, не в Ново-петровском укреплении, а в прекрасном Киеве. Но не суждено было ему воспевать величие древней столицы. А потому передадим слово другому украинскому поэту, старшему современнику автора «Кобзаря» – Евгению Гребенке: «Как красив ты, мой родной Киев! добрый город, святой город! как ты красив, как ты светел, мой седой старик! Что солнце между планетами, что царь между народом, то Киев между городами»⁶⁵.

⁶¹ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 304.

⁶² Гоголь Н. В. Письмо Максимовичу М. А., 2 июля 1833 г. С.-Петербург // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 10. Письма, 1820–1835. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 273.

⁶³ Там же. С. 288.

⁶⁴ Гоголь Н. В. 1834 // Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. – М.: Наука, 2009. С. 246.

⁶⁵ Гребенка Е. П. Мачеха и панночка: Малороссийское предание // Современник. 1838. Т. 12. Гл. VIII. Повести и рассказы. С. 19–20.

Слободская Украина

Григорий Неронов, посланец Алексея Михайловича при ставке Богдана Хмельницкого, русский разведчик и дипломат, сообщал в Москву о бедственном положении народа: «за войною хлеба пахать и сена косить им стало некогда, погибают они голодною смертию», а потому «многие хотят и теперь в государеву сторону перейти»⁶⁶. Московское государство – православное Русское царство, конечно, не земля обетованная, но жизнь там была привлекательнее, чем на разоряемой татарами и поляками Украине. Неронов добавляет, что народ здесь расположен к Москве: «В Московском, говорят, государстве великий государь православной христианской веры, и подданные его все православные же христиане, и войны в Московском государстве нет»⁶⁷.

Неронов не преувеличивал, да и бегство православных жителей Речи Посполитой началось еще во времена царя Михаила Федоровича. К лету 1638 года было разгромлено очередное козацкое восстание. Польские жолнеры (солдаты), разозленные ожесточенным сопротивлением, грозились истребить «русинов» до самых границ Московщины⁶⁸. Одним из вождей повстанцев, гетмана Остряницу (Острянина), согласно версии «Истории русов», колесовали в Варшаве. На самом деле он сумел бежать «в Московщину» вместе с товарищами-козаками. На Руси их называли «черкасами». Черкасов поселили на Чугуевском городище, однако воинственные и беспокойные черкасы там не задержались и покинули поселение через несколько лет. Но это была только предыстория Слободской Украины. История началась в 1651 году. В тот страшный год, едва ли не самый тяжелый за все годы восстания Хмельницкого, казаки потерпели тяжелое поражение под Берестечком. Однако победоносное польское войско оказалось в положении, напоминавшем положение Наполеона в 1812 году. Противник перешел к тактике партизанской войны и выжженной земли. Поляков морили голодом, сжигая целые поля, убивая или угоняя скот⁶⁹. Но такое самопожертвование было не всем по силам. Целый полк Ивана Зиньковского (Дзиньковского) вместе с писарями, священниками, с женами, детьми и даже с домашним скотом перешел во владения царя московского. Там их приняли радушно, поселили на окраине Дикого поля. Через эту страну проходил знаменитый Муравский шлях – главная дорога, по которой крымские татары ходили грабить Московскую Русь. Поэтому здесь в конце тридцатых годов XVII века началось строительство Белгородской оборонительной линии, опиравшейся на крепости Воронеж, Курск, Старый Оскол, Севск и еще многие. Но войск для охраны линии, протянувшейся на 800 километров, не хватало. Черкасы хорошо владели саблями и умели стрелять из самопалов, именно такие жители и были нужны на степной границе. Оттого русские воеводы и обрадовались черкасам.

Новая земля понравилась переселенцам. Местные черноземы в плодородии почти не уступали украинским. Леса и рощи вклинились далеко в степи Дикого поля. Там обитали волки, кабаны и даже медведи. Обильная растительность задерживала влагу, поэтому засуха – главная причина неурожая на благословенном юге – случалась нечасто. Лес давал древесину для мельниц и винокурен. Верховья полноводных тогда рек – Сейма, Псёла, Ворсклы – стали торговыми путями, связавшими новые поселения с Гетманщиной, а Северский Донец – с землями войска Донского. На Торских озерах добывали соль, всё еще очень ценную, у Белгорода – мел, так необходимый малороссиянину для побелки его хаты.

⁶⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Гл. 3. С. 533.

⁶⁷ Там же. С. 533–534.

⁶⁸ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – М.: Чарли, 1994. С. 66. Сам Костомаров использует здесь свой собственный термин: «русские украинцы».

⁶⁹ См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 528.

Татарская угроза была меньше польской: справиться с татарским загоном (небольшим конным отрядом) легче, чем с коронным войском гетмана Потоцкого.

В 1682 году особой «Жалованной грамотой» слободским козакам разрешили «пашенные земли пахать и всякими угодьями владеть промеж собой <...> по их черкасской обычности»⁷⁰.

Козакам позволили занимать пустующие земли, которые фактически переходили в их собственность. Землю здесь покупали, продавали, передавали по наследству, это была в самом деле частная собственность или по крайней мере личное и наследственное владение. Явление для России не исключительное: на окраинах государства, вдали от начальства, отношения собственности складывались сами собой, стихийно, и мужик становился хозяином своей земли. Так было на Русском Севере, на Урале (в допетровское время), так было и на юго-западной степной окраине – Слободской Украине: «...огромная масса украинского народа в слободских полках владела землей на праве полной частной собственности; причем владение это повсеместно было личное, а не общинное...»⁷¹ – писал российский историк.

Мало того, слободских козаков освободили от податей, позволили им завести свои, «черкасские», порядки и жить по тем обычаям, к которым они привыкли, – вольность, невиданная для природных «москалей». Дали и право самим гнать «вино», то есть, в сущности, водку. На Московской Руси винокурение было царской монополией, которую, правда, могли дать (и регулярно давали) на откуп. Привилегия слободских козаков (ее получают и козаки малороссийские) сослужит и дурную службу: повальное малороссийское пьянство – дело недалекого будущего, но пока что свобода винокурения привлекала всё новых поселенцев на государственные земли.

Взамен козаки должны были воевать с врагами московского царя, в основном с теми же татарами. Так началась история Слободской Украины, или иначе – Слобожанщины. Слобода – поселение, освобожденное от налогов или повинностей, наделенное некоторыми вольностями и привилегиями. Таких вольностей и привилегий было немало, особенно в первые десятилетия истории Слобожанщины, когда свободных земель было много, козаков – мало, а татарские загоны регулярно отправлялись на Русь за новыми и новыми пленниками.

Население Слобожанщины росло не только за счет высокой рождаемости. Война на Украине продолжалась, продолжался и поток переселенцев, главным образом с правобережной Украины⁷². В 1653 году Стефан Чарнецкий, верный своему принципу «не оставлять русина даже и на расплод»⁷³, опустошил земли Брацлавского воеводства, чем вызвал новую волну беженцев. В 1654 году несколько десятков козацких семей, покинувших Украину, построили на месте старого Харькова городища небольшую крепость, которая станет крупнейшим городом Слободской Украины – Харьковом. Так один за другим возникали поселки и города: Сумы, Ахтырка, Балаклия. Слободские полки, кроме расположенного восточнее Острогожского (он входил непосредственно в Белгородскую линию), стали передовым рубежом, охранявшим юго-западную границу от вторжений крымских татар.

Власть долгое время не вмешивалась в дела Слободской Украины. Военную и гражданскую администрацию возглавляли полковники и сотники, и тех и других выбирали сами жители. Так появились полки Острогожский, Харьковский, Сумской, Ахтырский, Балаклейский. Последний переименовали в Изюмский после того, как харьковский полковник Григорий Донец-Захаржевский одержал победу над татарами под Золочевом и основал у меловой горы Гузун-курган крепость Изюм.

---

⁷⁰ Шимонов А. Л. Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии // Киевская старина. 1882. Т. 4. Ноябрь. С. 201.

⁷¹ Там же. Декабрь. С. 414.

⁷² См.: Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев. – М.: Наука, 2000. С. 43.

⁷³ Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. – М.: НЛО, 2012. С. 437.

Поскольку земли Слободской Украины задолго до Переяславской рады принадлежали Москве, власть малороссийских гетманов на них не распространялась. Правда, Иван Самойлович очень хотел подчинить своей власти Слободжанщину и вел об этом переговоры с правительством царевны Софьи через Ивана Мазепу, которому тогда вполне доверял. Основания к тому были. Россия, заключив «вечный мир» с Польшей, отказалась от всей правобережной Украины, кроме Киева, оставив православных русинов (предков современных украинцев) под властью польской короны, под сенью враждебной католической церкви. Земли Брацлавского и частично Киевского воеводства, на которые гетманы Войска Запорожского смотрели как на свои со времен Зборовского мира (1649), были потеряны. Как казалось, навсегда. Слободская Украина могла бы стать некоторой компенсацией за такую потерю. Но ни Василий Голицын и Софья, ни тем более Петр Великий никогда бы не пошли добровольно на такую уступку.

Слободская Украина до екатерининских времен сохраняла традиционное для украинского казачества деление на полки. В делах военных слободские полки подчинялись белгородскому воеводе, а в гражданских – непосредственно Москве, Разрядному приказу. Но московской администрации дел до полкового самоуправления Слободжанщины не было, так что украинские слободы вдалеке от начальства спокойно жили и богатели. Фактически слободские полки были привилегированными военно-административными корпорациями. До тридцатых годов XVIII века они не платили налогов. При этом на русское население Слободской Украины все эти льготы и привилегии не распространялись, а приток русского населения на Слободжанщину российские власти старались ограничивать.

Так было до времен Анны Иоанновны, когда автономию полков значительно урезали, российские власти начали вмешиваться в слободские порядки и даже формировать из слободских козаков не казачьи, а драгунские полки. Заставили также платить налоги. Однако они были в три раза ниже подушной подати русских помещичьих крестьян⁷⁴, а ведь помещичьи крестьяне должны были еще и отрабатывать барщину или платить оброк своему хозяину. Словом, даже в это нелегкое для Слободской Украины время русский мужик мог только завидовать льготам и привилегиям украинца.

Слободские полки не только обороняли границу, но и воевали под Азовом в армии царя Петра, ходили под Очаков с фельдмаршалом Минихом, в Пруссию – с фельдмаршалом Апраксиным. В 1709 году слободские полки воевали против запорожцев, перешедших на сторону Мазепы и Карла XII.

Русские войска, отвоевав Дикое поле у татар и ногаев, ликвидировали и военную угрозу. Передовой рубеж стал глубоким тылом, а жители всё больше преуспевали не на войне, а в земледелии, садоводстве и торговле. Крепости стали центрами ярмарок, полковники и сотники – помещиками, козаки – «хлиборобами».

Из малороссийских рассказов Г. П. Данилевского: «...молодая светлая страна, степная Слободжанщина, представляет тихий, благодатный, живописный край, зеленые сады и пажити, широкие реки и торговые широкие проселки, леса и города, молодые и богатые...»⁷⁵

Сытная и относительно свободная жизнь Слободжанщины стала меняться в середине XVIII века. Козаки, занявшись хозяйством, быстро свели леса, без лесов начали мелеть реки, так исчезли удобные и дешевые торговые пути. Как и в соседней Гетманщине, свобода винокурения на Слободской Украине обернулась повальным пьянством. Каждый год немалая часть собранной пшеницы уходила на винокурни, а оттуда – в шинки.

Наконец Екатерина II решила, что в автономии Слободской Украины теперь нет смысла. Она превратила земли слободских полков в новую Слободско-Украинскую губернию, козац-

⁷⁴ См.: Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). – М.: РОССПЭН, 2014. С. 253–258, 265, 270, 283.

⁷⁵ Данилевский Г. П. Слободжане (Малороссийские рассказы) // Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. – М.: Терра, 1995. С. 519.

кие слободы велела называть войсковыми слободами, козаков – «войсковыми обывателями»⁷⁶. Слободские полки были преобразованы из казацких в гусарские.

Но исторические последствия переселения украинцев к пределам Дикого поля оказались значительными. Украинцы продвинулись далеко на восток, заселив обширные и богатые земли. И если территории к востоку от Белгорода остались преимущественно русскими (великороссийскими), то земли Харьковского, Сумского, Ахтырского, Изюмского полков были изрядно украинизированы.

Земли прежних слободских полков даже в первой половине XIX населяли преимущественно настоящие этнические украинцы: «... что касается до природы, языка, обычая, жительства, обрядов поведения и одеяния, в том слободские жители обоого пола никакой от малороссийских народов отмены не имеют», – писал историк Малороссии и русский генерал Александр Ригельман⁷⁷.

---

⁷⁶ Шимонов А. Л. Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии // Киевская старина. 1882. Т. 4. Декабрь. С. 409.

⁷⁷ Ригельман А. Летописное повествование о Малой России, ея народе и козаках вообще. Кн. 6. – М.: Унив. тип., 1847. С. 100–101.

Харьков

В 1765 году город Харьков стал центром только что созданной Слободско-Украинской (с 1835 года – Харьковской) губернии. Маленькая крепость, основанная козаками-переселенцами с Западной Украины⁷⁸, выросла в административный, хозяйственный, культурный центр Слобожанщины, став мостом между русским и украинским мирами.

В Харькове действовал знаменитый «коллегиум» – высшее духовное училище, уступавшее только Киево-Могилянской академии. Григорий Саввич Сковорода, первый украинский и русский самобытный философ, некоторое время преподавал в этом коллегиуме греческий язык, а затем – катехизис.

Харьков, постепенно обраставший земледельческими слободами, в XVIII веке сохранял украинский характер. Еще в 1780 году 70% «горожан» занимались земледелием, что было вообще типично для малороссийских городов. Недаром же они напоминали русским путешественникам очень большие села. Остальные 30% составляли ремесленники, пивовары, винокуры, шинкари. Жили там и дворяне – потомки слободских сотников и полковников. Благодаря их усилиям, их деньгам и монаршей воле государя Александра Павловича в ноябре 1804-го в Харькове появился свой университет. Это сразу изменило статус города, который надолго превратится в важнейший центр образования и культуры. В Киеве университет откроется только тридцать лет спустя, а знаменитая Киево-Могилянская академия давно находилась в упадке.

Василий Назарович Каразин, русский просветитель, главный энтузиаст дела просвещения в Харькове, вряд ли предполагал, что Харьковский университет станет важнейшим центром не только русской, но и украинской культуры, книжности, образования. Хотя преподавали в Харькове, разумеется, на русском.

В Харькове учился выдающийся математик Михаил Остроградский; там учился, а затем и преподавал будущий знаменитый филолог Измаил Срезневский; там учился и защитил диссертацию русский историк и украинский мыслитель Николай Костомаров. «Харьков имеет внутреннее сильное значение для Малороссии, которая в нем централизуется, которая имеет в нем свой университет»⁷⁹, – писал Иван Аксаков в ноябре 1848 года, когда лучший период «украинского Харькова» был уже позади. А расцвет этот пришелся на десятые – тридцатые годы XIX века.

В знаменитой тогда университетской типографии иногда (с интервалами в несколько лет) выходили даже книги на малороссийском. Но гораздо чаще писали и печатались на русском. В 1812 году появился «Харьковский еженедельник». В 1816 году начали издавать первый украинский литературный журнал – «Украинский вестник» (на русском). Он продержался четыре года. Образованные малороссыяне, разбросанные по всей империи, выписывали его даже в Сибири и, что кажется невероятным, на Камчатке⁸⁰. Среди его издателей был Григорий Квитка, тогда еще писавший на русском прозаик и драматург, будущий основоположник современной украинской прозы. Пьесы Квитки играли в открывшемся еще в 1808 году харьковском театре. Григорий Федорович жил под Харьковом, в Основе, поместье своего брата, сенатора и тайного советника Андрея Федоровича Квитки. По этому имени он и взял самый известный из своих псевдонимов – Грицко Основьяненко.

В один год с «Украинским вестником» воявились «Харьковские известия» и «Харьковский Демокрит». После «Украинского вестника» издавался «Украинский журнал», затем –

⁷⁸ См.: Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1887 г. – Харьков, 1887. С. 256–258; Історія міст і сіл Української РСР. Т. 21. Харківська область. – Київ: Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1966.

⁷⁹ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. С. 401.

⁸⁰ См.: Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя і творчість. С. 81.

«Украинский альманах» и «Снип», а уже в начале 1840-х альманах «Молодик»⁸¹, где появятся и стихи Тараса Шевченко. Всю вторую половину 1830-х Измаил Срезневский, увлекавшийся тогда украинскими филологией и этнографией, печатал новые выпуски своего сборника «Запорожская старина», которые охотно читали, обсуждали в Малороссии, Москве, Петербурге. Среди читателей «Запорожской старины» были Гоголь и Максимович. В университете лекции по русской истории читал Петр Петрович Гулак-Артемовский – по свидетельству Костомарова, плохой преподаватель, но одаренный литератор, автор басен, которые и теперь знают на Украине. Там же преподавал профессор Метлинский, известный под псевдонимом Амфросий Могила. Он был не только филологом и этнографом, но и поэтом.

Харьков окружала страна, населенная преимущественно украинскими крестьянами. По селам ходили бандуристы и пели думы о Сагайдачном и Хмельницком, украинские помещики еще не забыли родной язык и родные обычаи. Некоторые становились любителями старины, искали и читали списки летописи Грабянки или «Истории русов». Эта украинская атмосфера повлияла на молодого Николая Костомарова, который именно в Харькове возьмется изучать украинский язык, украинский фольклор, заинтересуется историей Украины и защитит в Харькове диссертацию. Среди его харьковских друзей были молодые малороссияне, увлекавшиеся народной культурой, историей, мовой.

Аксаков, отметив значение университета для украинцев, не мог, однако, воздержаться от пренебрежительного тона, который вообще обычен даже для образованного русского, если ему приходится говорить о культуре «братского» украинского народа: «Университет, конечно, плох, но хохлы, вероятно, ставят его выше всех других...»⁸²

В чем-то Иван Сергеевич прав: огонек украинской культуры всё больше терялся в сиянии большого города, где преобладали уже русские. Харьков расцвел как город прежде всего торговый, затем – промышленный. Уже в XVIII веке там расплодилось винокурни, пивоварни, кирпичные заводы. Вся Россия тогда покупала харьковские ковры («коци»). В начале XIX века к этим производствам добавились меднолитейные, металлообрабатывающие, каретные мастерские, кожевенные, мыловаренные, свечные заводы, маслобойни, спичечные и табачные фабрики⁸³. На Крещение и на Успенье в Харькове открывались грандиозные ярмарки. В отличие от малороссийских ярмарок где-нибудь в Миргороде или в Сорочинцах, харьковские ярмарки (в особенности Крещенская) известны крупной оптовой торговлей, которая была тогда всецело в руках русских купцов. Тот же Аксаков позднее назвал Сумы и Харьков городами, которые созданы русскими торговцами⁸⁴. Создан Харьков, конечно, не русскими, но русские преобразили его, превратили большое малороссийское село в шумный деловой город, центр городской культуры с мощеными улицами и каменными домами. Украина отступала в сёла.

---

⁸¹ О харьковских изданиях см.: Александровский И. С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX века // Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 145.

⁸² Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. С. 401.

⁸³ См.: История городов и сёл Украинской ССР: в 26 т. Т. 1. Харьковская область. – Киев: Укр. сов. энцикл., 1976. С. 77–134.

⁸⁴ См.: Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. – СПб.: В тип. Императ. Акад. Наук, 1858. С. 6.

Новороссия

Новороссия – юго-запад Дикого поля, отвоеванный русской армией⁸⁵ у турок, татар и ногайцев и освоенный Российской империей. Громадный и очень богатый край. Тучные черноземы, дававшие огромные урожаи, пастбища, где скот мог пастись до поздней осени, а на самом юге и круглый год. Степи будущей Новороссии не были сплошным безлесным пространством. Река Самара (приток Днепра) текла в лесистых берегах. На берегах Днепра росли яблони, груши, виноградная лоза, калина, ежевика, шиповник, хмель, барбарис. На многочисленных днепровских островах – дуб, осина, ива. По лощинам встречались целые рощи дикой вишни и множество миндальных деревьев. Когда русские и украинцы заселят эти земли, они будут украшать свои куличи и пасхи настоящим миндалем.

В реках водились севрюга, осетр, сом, сазан, щука. В Днепр, Днестр и Южный Буг заходила из Черного моря громадная белуга – самая большая рыба в мире осетровых, весом в тонну и более. Балык в тех краях был самой обычной, даже бедняцкой пищей. В конце XVIII века пуд соленой рыбы продавали за 70 копеек⁸⁶. Степи населяли олени, зайцы, кабаны, дрофы, куропатки. Близ рек жили дикие гуси, утки, цапли, аисты, журавли, бакланы и даже пеликаны. Волков и лис было так много, что запорожцы заготавливали их шкуры и торговали «мягкой рухлядью» с Малороссией⁸⁷.

Именно запорожцы стали авангардом христианского мира, проникшим далеко на юг, в дикие, враждебные еще степи. В начале XVI века Сигизмунд Герберштейн записал, что южнее Черкасс вовсе нет христианских поселений, а полвека спустя Байда-Вишневецкий создает на острове Хортица первую Сечь, начиная историю славного Запорожья. Но широкие пространства причерноморских степей еще долго оставались местом татарских и ногайских кочевий. Буджакские и крымские татары использовали эти земли только под пастбища: «турки и татары <...> на сих степях никаких селений <...> не заводят», – писал малороссийский генерал-губернатор Румянцев⁸⁸.

Через Дикое поле пролегали шляхи – пути, по которым татары отправлялись грабить окраины Речи Посполитой и Российской империи. Три шляха (Черный, Кучманский, Волошский) вели на правый берег, в Поднепровье, Подолию, на Волынь. В самые страшные годы жители галицкого Львова и польского Замостья видели с крепостных стен татарские загоны (отряды). По трем другим шляхам (Муравскому, Изюмскому, Калмиусскому) татары шли на Слободскую Украину и далее на Московскую Русь.

Давно прошли времена крымских походов на Москву или Краков, но русские и украинские крестьяне, переселявшиеся в XVIII веке на земли Дикого поля, по-прежнему рисковали имуществом, свободой и жизнью. В 1736 году во время русско-турецкой войны татары сделали набег на Бахмутскую провинцию (земли современного Донбасса): захватили множество пленников, угнали скот, сожгли хлеб, уничтожив целые селения⁸⁹. Во время последнего татарского набега зимой 1769 года в одной только Елисаветградской провинции татары сожгли

---

⁸⁵ В составе русской армии действовали и полки, набранные из малороссиян (жителей бывшей Гетманщины и Слободской Украины) и т.н. «верных» запорожцев, которые после уничтожения Запорожской Сечи генералом Текели не ушли на Дунай, а перешли на русскую службу. Так, 13 (24) сентября 1789 года в штурме крепости Гаджибей, на месте которой будет построена Одесса, участвовали шесть козацких полков под командованием войскового атамана Захария Чепеги и войскового судьи Антона Головатого.

⁸⁶ См.: Багалей Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Оттиск из «Киевской старины». – Киев: Тип. Т. Г. Корчак-Новицкого, 1889. С. 15.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX века. – М.: Наука, 1976. С. 53.

⁸⁹ См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 72.

150 деревень. Барон де Тотт, французский консул в Крымском ханстве, во время похода находился в татарском войске хана Крым-Гирея и видел всё своими глазами⁹⁰. «Воздух, наполненный пеплом и парами растаявшего снега, затемнил солнце на время <...> Полтораста деревень были сожжены <...> огромное дымное облако распространилось на двадцать миль в пределы Польши»⁹¹. Татары увели тогда в Крым не менее двадцати тысяч невольников⁹².

В пятидесятые годы XVIII века правительство решило заселить юго-западные окраины страны воинственными сербами, привычными к пограничной службе. В империи Габсбургов сербы и хорваты жили на Военной границе (Крайне), охраняя ее земли от турок. Сербы в Новороссии получали землю, освобождались от податей, а за это служили России в гусарских полках. Ради них создавалась особая область – Новая Сербия (недалеко от будущего Елисаветграда). В елизаветинские времена это был крайний юго-запад российских владений. Решение оказалось неудачным. Земли Новой Сербии уже были освоены украинскими крестьянами. Теперь русские военные власти выселяли их, чтобы освободить землю для сербских гусар. Тщетно хлопотал за соотечественников гетман Разумовский, предлагал отдать сербам земли пустующие (таких было еще очень много). Более того, сербы, как жаловался Разумовский, забирали у малороссийских крестьян сено и чинили «протчие несносные обиды и озлобления»⁹³. Но указ императрицы допускал поселение только сербов и представителей «иных народов», покинувших земли Австрийской или Османской империй. Вскоре новым сербским поселенцам отдали еще одну область, которую назвали Славяносербией (между современными Донецкой и Луганской областями). Оттуда, правда, малороссиян и русских не выселяли, сербам отдавали пустующую землю.

Российская империя потратила на обустройство переселенцев с Балкан большие деньги, однако Новая Сербия не окупала затрат и не оправдала надежд. Желавших переселиться в Россию с Балкан оказалось намного меньше, чем ожидалось. Зажиточные, домовитые сербы не хотели менять чудесные сливовые сады Славонии и Шумадии на дикие причерноморские степи. В Новороссию ехали в основном искатели приключений, нередко пьяницы и даже настоящие лесные разбойники, не способные к сельскому хозяйству⁹⁴. Да и само название «сербь» для этих балканских переселенцев не подходит. Преобладали там молдаване и валахи, а сербы составляли только 11% переселенцев. Были в числе жителей Новой Сербии и венгры, и болгары, и македонцы, и албанцы.

Десять лет спустя запрет на расселение русских и малороссиян в землях Новой Сербии отменят, и несколько тысяч переселенцев с Балкан будут поглощены, ассимилированы многочисленными украинцами.

Не лучше было и в Славяносербии. Иван Шевич (Шевич-старший) и Райко Прерадович (Депрерадович) сформировали два гусарских полка, но они были так малочисленны, что десять лет спустя их соединили, создав один Бахмутский гусарский полк. Однако людей всё равно не хватало, поэтому в этот «сербский» полк начали набирать малороссиян.

После Ясского мира (1791) нужда в военных поселенцах отпала. За две русско-турецкие войны русская армия присоединила к землям Российской империи всё Северное Причерноморье от Кубани до Днестра, ликвидировала Крымское ханство и Запорожскую Сечь, навсегда обезопасив крестьянский труд и сухопутную торговлю. Григорий Потемкин превращал богатые, но почти безлюдные степи в цветущий край, строил новые города – Николаев, Херсон, Екатеринослав, Севастополь. И эти города вовсе не были фантомами. Верфи Херсона и Нико-

⁹⁰ См.: Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию // Киевская старина. 1883. Т. 7. Сентябрь – октябрь. С. 170.

⁹¹ Елисаветградская провинция граничила с Речью Посполитой.

⁹² См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 106.

⁹³ См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 85.

⁹⁴ Багалей Д. И. Колонизация Новороссийского края... С. 79–80.

лаева были заняты строительством кораблей для Черноморского флота. На рейде Севастополя уже стояла русская эскадра. «Великолепный князь Тавриды» планировал открыть в Екатеринославе университет, консерваторию и академию художеств⁹⁵.

Остатки мусульманского мира исчезали. В Очакове, еще недавно знаменитой турецкой крепости, даже городскую мечеть переделали в православный храм⁹⁶. Адмирал де Рибас и военный инженер де Воллан на месте захудалого турецкого Гаджибея строили прекрасную Одессу.

Кирилл Разумовский не без удивления писал еще в июне 1782 года: «На ужасной своей пустынною степи, где в недавнем времени едва рассеянные обретаемы были избушки, по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и далее, большею частью при обильных водах». В самом Херсоне бывший гетман увидел «множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость <...> адмиралтейство со строящимися и уже построенными кораблями»⁹⁷.

Правда, даже не консерватория, а просто музыкальное училище появится в Екатеринославе только в самом конце XIX века, а университет создадут по указу гетмана Скоропадского в 1918-м. Хозяйственное развитие намного опередит культурное. Уже в начале XIX века путешественники, проезжая границу Киевской и Херсонской губерний, замечали, что в Херсонской даже простой народ живет богаче: и хлеба больше, и дома лучше выстроены⁹⁸. А самое главное, пустынный прежде край становился всё более населенным. Надежда Ивановна Арнольди, вдова Осипа (Иосифа) Россета (бывшего флигель-адъютанта Потемкина и приближенного дюка Ришелье), в своем путевом дневнике («Журнале походу») писала: «Вышли мы из Кременчуга, шли по прекрасной прямой дороге, где по обеим сторонам виднелись беспрестанно деревни, везде церкви»⁹⁹.

Новороссийские губернии в это время не только жили в достатке, но и стали важнейшим источником экспортного зерна. Уже в 1814 году при Армане Эммануэле (Эммануиле Осиповиче) Ришелье, умном и деятельном градоначальнике, годовой торговый оборот Одессы, которая стала главным русским торговым портом на Черном море, достиг 20 миллионов рублей¹⁰⁰.

Вслед за победоносными полками Румянцева, Потемкина, Суворова, Долгорукова-Крымского потянулись переселенцы-малороссияне на запряженных волами повозках. Начали строить себе хаты-мазанки, разбивать сады вишневые, черешневые, сажать свою любимую красную калину. Так на месте Дикого поля возникла процветающая Новороссия, заселенная преимущественно украинскими крестьянами.

По-прежнему приглашали иностранцев, в особенности болгар, молдаван, немцев. Хотели даже привезти с Британских островов настоящих английских каторжников. В Новороссии давали землю и русским крестьянам, при Потемкине охотно принимали даже беглых мужиков и еще недавно гонимых староверов.

Но и в XIX веке, когда о потемкинских вольностях помнили только историки, беглые мужики, русские и малороссияне, отправлялись в Причерноморье и Приазовье, «из старых украинских губерний пробирались глухими тропинками, оврагами и одинокими степными лесками», надеясь найти лучшую жизнь: «...там тебе и сало и масло постное греческое, прямо с порта, в богоспасенные дни. Ешь-кушай да трудись, душа. Сказано, вольница! Захочешь жены – и жинку тебе справят новую»¹⁰¹, – мечтает один из героев романа Григория Данилевского

⁹⁵ Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 32.

⁹⁶ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 128.

⁹⁷ Елисеєва О. Григорий Потемкин. – М.: Молодая гвардия, 2006. С. 362.

⁹⁸ См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 98.

⁹⁹ Там же. С. 102.

¹⁰⁰ См.: Багалея Д. И. Колонизация Новороссийского края... С. 56.

¹⁰¹ Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии. Воля. Княжна Тараканова. – М.: Правда, 1983. С. 8.

«Беглые в Новороссии». Этот писатель больше известен романами из русской истории. Кто не читал «Мировича», «Княжну Тараканову», «Сожженную Москву»? Его ранний приключенческий роман сейчас забыт, хотя именно «Беглыми» писатель в свое время привлек внимание читателя. Данилевский напечатал его под псевдонимом «А. Скавронский». Хотя роман написан весьма посредственно, читатели и критики оценили новизну темы. Автора стали называть «русским Купером». Успех побудил Данилевского превратить роман в трилогию: «Беглые в Новороссии» – «Беглые воротились» – «Новые места».

Григорий Петрович родился и долгие годы жил на Слобожанщине, которая на юге граничит с новороссийскими землями. К тому же не раз бывал в Новороссии по делам службы, поскольку трудился в министерстве просвещения чиновником для особых поручений.

«Крепостная Русь» нашла в степях Приазовья и Причерноморья «свои Кентукки и Мас-сачуссетс». Новороссия была для русского читателя из Москвы, Петербурга, Центральной России страной непривычной и настолько незнакомой, что Данилевский то и дело вынужден был прибегать к примерам из американской литературы и американской жизни: «А эта Новая Диканька – суцкая американская ферма!»¹⁰² Как будто об американском Диком Западе в России знали больше, чем о своей же земле.

Этнографическая карта Новороссии менялась много раз. Капризных европейцев заманивали фантастическими преференциями. Земельные наделы были очень большими – по 60 десятин на хозяйство, отданных в вечное владение¹⁰³. Немцев-колонистов навсегда (!) освобождали от военной и гражданской службы. Освобождали и от постоя, – а это было очень большой льготой: размещение солдат и офицеров «по обывательским квартирам» – неприятная и часто просто разорительная повинность. Наконец, немецкие общины освободили от всех податей на тридцать лет. Если дела у общины шли плохо, то правительство могло продлить освобождение еще на тридцать лет, как это и было сделано с общиной данцигских меннонитов, поселившихся на острове Хортица. Русские и украинские поселенцы освобождались от налогов на полтора, на три года, иногда на пять или шесть лет, и только немногие счастливицы, селившиеся на самых неосвоенных и еще опасных землях (до ликвидации Крымского ханства), могли получить немыслимую льготу – пятнадцать лет без податей. Но шестьдесят лет без податей, как с меннонитами Хортицы, – это было просто невозможно.

С греками и армянами, которых переселили из Крыма еще до ликвидации Крымского ханства, обходились почти так же, как с немцами. Им строили дома за казенный счет, освобождали от податей. Трудолюбивые и оборотистые армяне и ничуть не уступавшие им греки стали лучшими новороссийскими купцами. На месте крохотного Павловска расцвел Мариуполь. А построенная армянами Нахичевань одно время была больше и богаче соседнего Ростова: «В центре городка Нахичевани (названного так в честь Нахичевани закавказского, старого армянского города) я помню перед армянским собором <...> огромный бронзовый памятник Екатерине с надписью: “Екатерине Второй – благодарные армяне” <...> Дела армян на новом месте пошли завидно хорошо»¹⁰⁴, – писала Нина Берберова уже в XX веке. Ее дедушка Иван Минаевич Берберов был среди тех самых армян, что переселились на берега Дона из тогда еще татарского Крыма.

«Единой новороссийской общности» никогда не было. Греки и армяне, давно привыкшие жить в диаспоре, сохраняли свои нравы, обычаи, культуру. С украинцами и русскими они не ссорились, но и не сливались. У греков были свои гимназии, свои церкви. На их украшение греческие купцы не скупались, а священников нередко выписывали из самого Константи-

¹⁰² Там же. С. 33.

¹⁰³ Для сравнения, в первой половине XIX века надел козака Черноморского войска составлял 30 десятин. Крестьяне черноземных губерний нередко довольствовались наделами в 2–3 десятины.

¹⁰⁴ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. – М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 49.

нополя¹⁰⁵. Своим особым миром будут жить и еврей-колонисты, хотя их новороссийские злоключения – совсем другая история.

Немцы тем более не смешивались с другими народами. Их изоляционизму способствовала и религия. Немцы трудились, богатели, но вовсе не стремились стать русскими или малороссиянами. Из поколения в поколение они сохраняли свои обычаи, одежду, немецкий язык.

Российская империя, щедрая к выходцам из Данцига или Триеста, была скупа к уроженцам Великороссии и Гетманщины. Русским и малороссиянам не полагались немецкие или греческие льготы. Им просто не мешали. Помещики, получившие земли в Херсонской или Екатеринославской губернии, могли принимать беглых. Прекратили гонения на раскольников-великороссов, и эти русские протестанты, трудолюбием и благочестием не уступавшие немцам, ставили дома, распахивали под огороды херсонский и екатеринославский чернозем. Нетребовательные славяне быстро заселяли пустующие земли, становясь государственными и помещичьими крестьянами.

Пустующих земель еще в начале XIX века было так много, что за помещичьими крестьянами даже не закрепляли наделы, а разрешали им пахать землю «по мере сил своих»¹⁰⁶. Помещики по-своему крестьянам помогали, ведь земля без крестьян не приносила дохода.

Из воспоминаний Александры Смирновой-Россет: «Тогда имения населялись или покупкой, или залучением бродячих крестьян из южных губерний. <...> Им отводили место, глину, солому для кровли, известь, покупали соху, волов, и два-три года они работали на себя»¹⁰⁷.

И все-таки, несмотря на все этно-демографические фантазии чиновников елизаветинской и екатерининской России, решающую роль в заселении Новороссии сыграли малороссияне.

Пускай немцы были лучшими хлеборобами, русские староверы – лучшими огородниками, болгары – садоводами, греки и армяне держали в своих руках торговлю, но страна была заселена преимущественно малороссами из Полтавской и Черниговской губерний, а также из Слободжанщины и с правобережья Днепра. Германия была все-таки очень далеко, но и великорусские губернии – не близко. А украинцы жили неподалеку. Именно они и начали превращать Новороссию в Южную Украину.

Вот данные только по одному Бахмутскому уезду. Это восточная окраина новороссийских земель. Бахмутовская слобода была известна еще с XVI века, но городом она стала только в 1701–1703 годах, когда по приказу Петра I там построили крепость. Тогда жители Бахмута занимались главным образом солеварным промыслом. В 1701-м в Бахмуте жило 36 русских, 2 донских казака и 112 «черкас», то есть украинских козаков. Это были козаки Изюмского полка, одного из полков Слободской Украины¹⁰⁸. К 1719 году (данные первой ревизии) крохотный городок вырос, а вокруг него раскинулись русские слободы. Теперь малороссияне составляли там только 20% от населения¹⁰⁹. Но в дальнейшем приток малороссийских крестьян был значительно больше русского, и уже в 1763 году на территории будущего Бахмутского уезда¹¹⁰ русские делили с молдаванами второе-третье места (9,8% русские, 9,9% молдаване), а малороссияне составляли 78,6% населения¹¹¹. А ведь это край, сравнительно близкий к великорусским губерниям.

¹⁰⁵ См.: Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 171–172.

¹⁰⁶ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 44.

¹⁰⁷ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 80.

¹⁰⁸ См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 71.

¹⁰⁹ Там же. С. 71–72.

¹¹⁰ См.: Бахмут стал уездным городом в 1783 году, но в расчетах на 1763 год дана численность населения всех территорий, которые позднее будут включены в Бахмутский уезд.

¹¹¹ См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 95.

Когда генерал Текели ликвидировал Запорожскую Сечь, многие освободившиеся земли стали заселять малороссийские (украинские) селяне, нередко родственники запорожцев. На бывших запорожских землях, несмотря на приглашение множества иноплеменных колонистов, украинцы преобладали. В 1779 году они составляли 64,3% всего населения. На втором месте оказались греки (13,7%), за ними следовали армяне (10,61%) и русские (немногим более 8%)¹¹².

Малороссияне господствовали и в Херсонской губернии. Там во второй половине семидесятых годов XIX века они занимали более 70% населения, на втором месте шли молдаване (17,9%), на третьем – великороссы (8,2%)¹¹³. В Херсонской губернии того времени это были главным образом русские староверы. Они не боялись ни далеких путешествий, ни стран даже более экзотических, чем эта.

Украинцам переселиться в Новороссию было несравненно легче и проще, чем русским. Путь из Слободской Украины в «Бахмутскую провинцию», из Гетманщины в Екатеринославскую губернию, с правобережной Украины в Херсонскую – близкий и сравнительно легкий. Да и климат Херсонщины был полтавчанину привычнее, чем великороссу из Торжка или Твери.

Не удивительно, что Иван Аксаков, в разгар Крымской войны оказавшийся вместе с дружиной Московского ополчения в Херсонской губернии, почувствовал себя в чужой стране. Он с горечью признал отсутствие русского патриотизма у населения: «нет никакой привязанности к России»¹¹⁴. Да и от кого бы ожидать русского патриотизма в стране, заселенной украинцами, немцами, молдаванами и евреями. Даже чиновничество там состояло в основном из польских шляхтичей. Русские в тех краях были представлены преимущественно «очень злыми» староверами, которые были крайне недовольны порядками николаевской России: «Русские здесь – поколение беглых, враждебное России. <...> Россия является для них страшилищем, страной холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины»¹¹⁵, – писал Аксаков отцу осенью 1855 года.

Правда, это было только началом истории Новороссии. После реформ Александра II вновь будут расти города, где начнут селиться пришлые рабочие и крестьяне, отправлявшиеся на «отхожие промыслы». Среди тех и других было много жителей великорусских губерний. В деревне украинцы останутся самым многочисленным народом, но в городах Новороссии они уступали в численности не только русским, но и евреям¹¹⁶. В городах господствовали русский язык и русская культура, поэтому и сами украинцы там быстро ассимилировались русскими. Но до этой новой русификации и урбанизации края было еще далеко, и в начале XIX века Новороссия была страной деревень и хуторов.

Александра Осиповна Смирнова-Россет провела детство в Грамаклее – херсонском имении своей бабушки. Из воспоминаний А. О. Смирновой-Россет об Н. В. Гоголе: «...мы читали с восторгом “Вечера на хуторе близ Диканьки”, и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставивши еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а “Вечера на хуторе” так ею и дышат. С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты»¹¹⁷.

¹¹² Там же. С. 133.

¹¹³ Там же. С. 135.

¹¹⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 401.

¹¹⁵ Там же. С. 407.

¹¹⁶ См.: Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI вв.): этностатистический очерк. – Черкассы: Вертикаль, 2007. С. 25–26.

¹¹⁷ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 27.

Гоголь вспоминал Полтавщину, а «черноокая Россети» – именно Херсонщину, то есть Новороссию, которую каких-нибудь шестьдесят лет назад завоевали русские войска. Но демографическое завоевание прочнее военного. Вот так земли, приобретенные военным гением Румянцева и Суворова, обустроенные административным гением Потемкина, Ришелье и Воронцова, стали новым домом для многочисленного украинского народа.

Часть II Имя и нация

Западные русские

– *Вы русские?*

– *Ну!*

(Из ответов украинских крестьян на вопросы Пантелеймона Кулиша)

В этом простодушном ответе – целая эпоха, история на половину тысячелетия.

Население Западной Руси, во второй половине XIV века оказавшееся под властью Литвы и Польши, сохранило не только православную веру, но и прежнее имя – «Русь», «русские», «русские», «русские», то есть русские. Так они называли сами себя, так их называли поляки и литовцы.

Бывшее Русское королевство (Галиция) стало Русским воеводством, которое просуществовало почти до самого конца Речи Посполитой и будет ликвидировано австрийскими властями, оккупировавшими земли воеводства в 1772 году. Центром воеводства был город Львов. Еще в XVIII веке поляки, случалось, называли не только жителей Русского воеводства, но также их соплеменников с Волыни, Подолии, Надднепрянщины «русинами» или «козаками-русинами»¹¹⁸. А в XVI–XVII веках слова «русские», «русские», «Русь» были общепринятыми. В конце XVI века участники Львовского православного братства отстаивали права «народа нашего великоименитого русского»¹¹⁹.

В 1595 году папа Римский повелел выбить особую медаль с надписью «Ruthenis receptis» («На приобщение русинов») в честь унии Киевской митрополии с католической церковью¹²⁰.

В начале XVII века «Русью» называли земли Речи Посполитой, населенные православными¹²¹. При этом поляки и литовцы различали «москву» и «русь». «Москва» – это не только город, но и название народа¹²², который они вовсе не путали с хорошо известными им «русинами», «русью». Литовский канцлер Альбрехт Радзивилл в 1650 году в своем дневнике записал: Хмельницкий «держит всех русинов в таком повиновении, что те готовы всё сделать по одному его жесту»¹²³. Во время осады Львова войсками того же Хмельницкого монахи бернардинского монастыря, устроившие этно-религиозную «чистку», называли своих врагов «русинами»¹²⁴.

«Против нас не шайка своевольников, – говорил гетман Великого княжества Литовского Павел Ян Сапега, – а великая сила целой Руси. Весь народ русский из сел, деревень, местечек, городов, связанный узами веры и крови с козаками, грозит искоренить шляхетское племя и

---

¹¹⁸ Кулиш П. А. Записки о Южной Руси.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Тип. Александра Якобсона, 1857. С. 133.

¹¹⁹ Флоря Б. Н. Положение православной и католической церквей в Речи Посполитой. Развитие национально-конфессионального сознания западнорусского православного общества во второй половине XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII вв. Ч. 1. – М.: Индрик, 1996. С. 92.

¹²⁰ См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 281.

¹²¹ Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века // Русские об Украине и украинцах. С. 28.

¹²² См.: Неменский О. Б. Игры с русским именем // Вопросы национализма. 2014. № 4 (20). С. 74.

¹²³ Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 413.

¹²⁴ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 277.

снести с лица земли Речь Посполитую»¹²⁵. А сами русины гордо называли себя «старожитным народом руським Володимирова корня»¹²⁶.

Гетман Иван Выговский, пришедший к власти вскоре после смерти Богдана Хмельницкого, пытался создать под властью Речи Посполитой «Великое княжество Русское». Западные «русские» говорили «русской мовой», исповедовали «русскую веру». Образованные выпускники Киево-Могилянской коллегии (будущей академии) даже заменяли слово «Русь» словом «Россия». Стихотворение «К реестру войска Запорожского» (1649) завершалось такими словами:

З синов Владимирових Россія упала —
З Хмельницьких за Богдана на ноги повстала¹²⁷.

«Эта Русь – все наголо мятежники»¹²⁸, – говорили поляки в том же 1649-м, когда русские из царства Московского еще и не собирались вступать в войну. Так что Россия и Русь здесь – никак не царство Московское, а земли Войска Запорожского или вообще все земли, населенные «русинами». Сам Хмельницкий, опьяненный победами (и, вероятно, не только победами), на переговорах с поляками назвал себя «единовладцем и самодержцем руським»¹²⁹.

Из этого факта не только простые читатели, но даже многие историки, приверженные идее «Русского мира», делают такой вывод: население Западной Руси – от Львова и Перемышля до Чернигова и Нежина – это русский народ, такой же или почти такой же, как в Рязани, Костроме или Нижнем Новгороде. Увы, историческая реальность бесконечно далека от такой приятной, соблазнительной для современного русского человека идеи.

Имя часто живет своей особой жизнью. По свидетельству Тадеуша Бобровского, еще в сороковые годы XIX века поляки из Литвы называли «русинами» волыньских поляков, чуждых как самим русским, так и русинам-украинцам. Напротив, русинов-украинцев с Волыни и Подолии в Славяно-греко-латинской академии причисляли к «польской нации», хотя эти православные студенты никак не могли быть поляками¹³⁰.

Дольше всего имя русское продержалось на самом западе украинских земель. Пока власть на Западной Украине была в руках поляков, а русский (великоросс) был в тех краях редким гостем, население Волыни, Подолии, Киевщины сохраняло свое древнее русское имя. Поляк Ромуальд Рьльский спасся от ножей гайдамаков, когда запел народную песню, которую мог слышать только на Западной Украине: «Пречистая Диво, Мати руського краю...»¹³¹. После разделов Речи Посполитой еще несколько десятилетий жизнь народа менялась мало, поэтому и в начале XIX века Павел Пестель, одно время служивший в Тульчине (Подолия), заметил, что местное население называет себя «Руснаками»¹³².

В австрийской Восточной Галиции русское (русинское) имя прочно держалось еще в начале XX века. Так, в 1917–1918 годах дети в Галиции пели «В нас родына вся одна, наша мыла Русь свята». В Станиславове (современный Ивано-Франковск) только после 1917 года этноним «украинец» начинает вытеснять традиционный этноним «русин». В Закарпатье и восточной Словакии самоназвание «русины» сохранилось и до нашего времени, связывая

¹²⁵ Цит. по: Ульянов Н. Украинский сепаратизм. – М.: Эксмо, 2004. С. 115.

¹²⁶ Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 266.

¹²⁷ Там же. С. 414.

¹²⁸ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 352.

¹²⁹ Западные окраины Российской империи. – М.: НЛЮ, 2007. С. 37.

¹³⁰ См.: Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 668.

¹³¹ Рассказ современника о приключениях с ним во время «Колиивщины» / подгот. Ф. Рьльский // Киевская старина. 1887. Т. 17. Январь. С. 59–60, 62–64.

¹³² Пестель П. Русская правда... – СПб.: Культура, 1906. С. 39.

настоящее народа с далеким древнерусским прошлым, от которого помимо имени мало что осталось.

Но стоило «русинам», «руським», «руснакам», «русским» с Украины встретиться с восточными или северными русскими, то есть с собственно великороссами, как выяснялось, что общее имя не в силах объединить давно разделившиеся народы.

В творческом наследии историка и филолога-слависта Юрия Венелина есть статья, опубликованная уже после смерти ученого: «О споре между южанами и северянами насчет их россизма». Поводом для статьи послужило издание «Описания Украины» Гильома де Боплана – известного сочинения XVII века. Но автор вышел далеко за рамки рецензии и даже как будто вовсе позабыл о самой книге, настолько увлекла его проблема. Венелин, романтически настроенный панславист, считал «северных россов» (собственно русских) и «южных россов» (украинцев, закарпатских русинов и белорусов) одним народом, но в статье писал о национальных противоречиях между северными и южными русскими как о предмете всем известном и сомнений не вызывающим. «Русский не признает в “южанине” своего и, расслышав акцент, спросит: “Вы верна нездешний?”, и тогда, любезный мой южанин, называйся, как тебе заблагорассудится, – испанцем, пруссаком, халдейцем или тарапанцем, – всё равно, все тебе не поверят, и как ты ни вертись, ни божись, всё ты не русский! Но ты скажешь, что ты малоросс – всё равно, всё ты не русский, ибо московскому простолюдину чуждо слово росс...»¹³³

Здесь Венелин интересен не как исследователь, а как свидетель, как источник. Сам филолог был закарпатским русином («карпато-россом»), и звали его на самом деле не Юрием Ивановичем Венелиным, а Георгием Гуца. Он вырос в Закарпатье, учился в Унгваре (Ужгороде), а затем во Львовском университете, то есть уже в Галиции. В двадцать лет нелегально пересек границу и бежал в Россию, где поступил в Московский университет. Был домашним учителем в семье Аксаковых, среди его учеников-воспитанников – Иван и Константин Аксаковы. Ездил в научную командировку на Балканы¹³⁴, а путь на Балканы пролегал через земли Южной России и Украины.

Так что у Венелина был богатый опыт межнационального общения. Судя по этой статье, закарпатского русина, равно как и малороссиянина-украинца, в Москве своим не считали. Но точно так же не считали своим и «северянина» на Украине и в Закарпатье: «...как ни называй себя он русским, всё-таки он не русин, а москаль, липован и кацап. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а всё прочее московщина»¹³⁵.

Но еще интересней другое свидетельство Венелина. По его словам, «карпато-росс, живущий на берегах Тисы», то есть соплеменник Венелина, принимает «русского гренадера, северного уроженца, за чеха», в то время как «настоящим русским» будет для него гренадер из Глухова или Чернигова, то есть украинец. О Руси такому карпато-россу напомнит книга, изданная в Киеве, но не в Москве¹³⁶.

Между тем на Восточной Украине русские уже прочно ассоциировались именно с «москалями», великороссами. Аксаков писал, что в Харьковской губернии «курчанина» (велико-

¹³³ Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 792.

¹³⁴ С Балканами, прежде всего – с Болгарией, связаны и его научные достижения. Он стал автором первой грамматики болгарского языка, доказал тесную связь этого языка с церковнославянским, собирал болгарские народные песни, которые были изданы уже после смерти филолога. Болгары столь высоко оценили его роль в болгарском национальном возрождении, что сделали фамилию (а на самом деле – псевдоним) «Венелин» болгарским именем.

¹³⁵ Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. С. 793.

¹³⁶ Там же.

росса из Курской губернии) называют «русским»¹³⁷. Не зря же украинские крестьяне на вопрос Кулиша «Вы русские?» твердо отвечали: «Ни!»¹³⁸.

---

¹³⁷ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 261.

¹³⁸ Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 235.

Черкасы и «хохлы бесовские»

Нации не складываются за несколько лет. Процесс разделения древнего русского народа шел медленно. Еще в XIV веке западнорусские князья и бояре поступали на службу Великому князю Московскому, и между ними и московскими боярами вроде бы не было больших национально-культурных различий¹³⁹. В начале XVI века на московской и литовской Руси побывал немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн. Он еще считал русских из Великого княжества Московского, Литвы и Польши одним народом. Однако русских из московского государства называл «московитами», а русских, которые жили по Борисфену (Днепру), называл «черкассами» (*Circassi*) – в честь города Черкассы, в то время передового рубежа украинского казачества¹⁴⁰. До создания Запорожской Сечи оставалось еще несколько десятилетий. Герберштейн познакомился с одним из первых организаторов украинского казачества Евстафием Дашкевичем, «мужем исключительной хитрости», к тому же «весьма опытным в военном деле», который, по словам Герберштейна, «не раз представлял из себя изрядную опасность и для самого московита, у которого некогда был в плену»¹⁴¹. В 1515 году Дашкевич вместе с крымским ханом Мехмед Гиреем и воеводой Киева Андреем Немиром совершил набег на Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, недавно присоединенные к Москве. Герберштейн рассказывает о военной хитрости Дашкевича, который заманил московитов в ловушку, «окружил их и перебил всех до единого»¹⁴².

В XVI веке украинские козаки всё чаще появлялись в Москве, где их принимали на службу как наемных пехотинцев наравне с немцами. Московские русские в них русских людей не признали, а называли так же, как и Герберштейн, «черкасами» / «черкассами». В Смутное время имя «черкасы» стало синонимом разбойников, головорезов, столь же чуждых и ненавистных, как ляхи¹⁴³. Тогда же, как доказал академик Б. Н. Флоря, появилось в русском языке и слово «хохол». Оно упоминается во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева (1609) и «Грамоте земских властей Ярославля» в город Казань (1611). В обоих источниках люди с хохлами на головах – это поляки, католики¹⁴⁴. Они хотят не только народ православный склонить к латинской ереси, но и заставить отказаться от данного Богом облика – брить бороды и головы, оставив только «бесовский хохол» (то есть чуб, оселедец) на голове. Как писал один русский воевода в 1621 году: «...некрещенные вы, поганые хохлы, сатанины угодники, хамовы внучата...»¹⁴⁵

Польский военачальник Ян Петр Сапега, разоривший Вязьму, штурмовавший Троице-Сергиевский монастырь и Москву, в 1611 году писал: «У нас в рыцарстве бо́льшая половина русских людей»¹⁴⁶. Речь, разумеется, шла о «русских» западной Руси, а не о врагах-московитах.

Запорожские козаки составляли до двух третей войска гетмана Ходкевича, разбитого ополчением Минина и Пожарского в Московской битве (1–3 сентября (22–24 августа) 1612 года)¹⁴⁷. Русские не особенно отличали этих «соплеменников» от настоящих поляков и литовцев, тем более что военная власть была в руках именно поляков-католиков, а также и поло-

¹³⁹ См.: Горский А. А. К вопросу о причинах возвышения Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3–12.

¹⁴⁰ См.: Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 59.

¹⁴¹ Там же. С. 185.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 18.

¹⁴⁴ См.: Флоря Б. Н. Кто такой «хохол»? // Родина. 1999. № 8. С. 58–59.

¹⁴⁵ Там же. С. 59.

¹⁴⁶ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. – М.: Индрик, 2005. С. 382.

¹⁴⁷ См.: Бибииков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. – М., 1950. Т. 32. С. 177. Подробнее об этом сражении см. с. 173–197.

низированных католиков-литовцев: Жолкевского, Сапеги, Ходкевича и самого короля Сигизмунда III, фанатичного католика, покровителя ненавистной для православных унии. Наконец, обычай носить чуб переняли и некоторые поляки.

Образ хохла-врага – безбородого, бритоголового оккупанта с чубом-хохлом – просуществовал недолго. Хотя украинские козаки продолжали воевать под польскими знаменами, их со временем перестали смешивать с «польскими людьми» или «литовскими людьми», а называли «литовской земли хохлачами» или «черкасами-хохлачами»¹⁴⁸. Поскольку чуб был характерной чертой внешности запорожского козака и вообще украинца, то прозвище закрепилось. И уже в петровское время, в разгар Северной войны, русский офицер Левашов ответил украинцам, роптавшим на поборы и разорения от русских солдат: «Полно вам, б... дети, хохлы свои вверх поднимать! Уж вы у нас в мешке»¹⁴⁹.

Вообще именно в устах русского, «москаля» слово «хохол» и становилось или оскорблением, или насмешкой, которую украинцы воспринимали болезненно. Когда Карл XII пришел на украинские земли, то украинские козаки и крестьяне, не подчинившиеся Мазепе, начали против войск короля партизанскую войну. Захваченных в плен шведов передавали русским, и те будто бы снисходительно благодарили союзников – наливали чарку горилки и говорили: «Спасибо, хохленок!»¹⁵⁰ По крайней мере, так передает автор «Истории русов».

Один малороссиянин рассказывал в Мотронинском монастыре историю о хитрости украинского козака, которые искали случай отличиться во время осады Очакова Потемкиным, но при этом очень берегли свои жизни. Потемкин, недовольный козаками, обратился к ним «помосковски»: «А что вы, хохлы?..» Недовольный рассказчик комментировал: «О, цур ему, что так негарно лается...» (ругается. – С. Б.)¹⁵¹ Поэтому крестьяне-собеседники Кулиша отказались называть себя хохлами. Они даже обиделись: «Які ж ми Хохли?»¹⁵²

Тем не менее Николай Костомаров писал, будто сами «южнороссы» (украинцы) нередко употребляют слово «хохлы», «не подозревая в нем ничего насмешливого»¹⁵³. Костомаров был уроженцем Слобожанщины, где население было смешанным, а русские деревни стояли по соседству с украинскими, многие украинцы сами себя называли хохлами, ничуть не стесняясь¹⁵⁴.

Что там мужики, когда даже Александра Осиповна Смирнова-Россет охотно признавалась, что сама она «хохлачка», и спрашивала Гоголя: «точно ли вы русский или хохлик?»¹⁵⁵ Русские люди, от князя И. М. Долгорукого до И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова, слово «хохол» употребляли охотно как синоним «малороссиянина».

Но «хохлы» жили и живут преимущественно в устной речи. А вот «черкасами» называли русинов-украинцев и в повседневной жизни, и в деловой переписке. Иногда писали о «запорожских черкасах»¹⁵⁶. Даже после Переяславской рады русские люди не считали черкасов сво-

¹⁴⁸ Флоря Б. Н. Кто такой «хохол»? С. 58–59.

¹⁴⁹ Костомаров Н. И. Мазепа. – М.: Терра—Книжный клуб, 2004. С. 108.

¹⁵⁰ История русов, или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. – М.: Унив. тип., 1846. С. 209.

¹⁵¹ Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 292.

¹⁵² Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 235.

¹⁵³ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. Т. 1. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. С. 233.

¹⁵⁴ См.: Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 70–77; Алымов С. С. Павел Иванович Кушнер: между наукой и идеологией // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. С. 499.

¹⁵⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12. С. 418–419.

¹⁵⁶ Попков А. И. Участие черкас в боевых действиях на Поле в 1632–1634 гг. (тезисы) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материалы регион. науч.-практ. конф. – Белгород, 1996. С. 25–27; Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 63.

ими, по-прежнему смотрели на них, как на чужаков, ставили в один ряд с немцами. Недаром в царском указе от 1682 года «боярским людям» было велено не обижать, не оскорблять иностранцев: «...вам же с иноземцом, черкасом, немцом и иным никаким людем поносных никаких слов не говорить и ничем не дразнить!»¹⁵⁷

Иностранному наблюдателю в XVII веке различия между восточными и западными русскими бросались в глаза больше, чем Герберштейну в начале XVI века. Английский врач Самюэль Коллинс, десять лет служивший при дворе Алексея Михайловича, не раз видел там и приезжих из страны, которую он называет Черкасией (*Chirchass Land*). Это название Коллинс вряд ли выдумал сам, скорее всего – почерпнул из разговоров русских людей. Коллинс решил, будто черкасы – «грубый и мрачный» народ «татарского племени». Различия между русскими из Москвы и русинами с Украины были столь велики, что два родственных славянских народа англичанин родственными не посчитал. Возможно, его ввели в заблуждение слухи о настоящих кавказских черкесах, которых русские и в XIX веке будут называть «татарами». Но из описания внешности, быта и нравов этих самых черкасов не остается сомнений, что Коллинс видел именно украинцев/русинов, а не кавказских черкесов/адыгов. Он даже делает важное уточнение: «Воинов они на своем языке называют *казаками* (*Cossacks*), почему ошибаются многие, считая казаков особенным народом»¹⁵⁸.

Во времена Петра Великого русские продолжали называть своих соседей «черкасами», что видно из многочисленных сохранившихся документов. Так, Иван Желябужский, русский дипломат и государственный деятель времен Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, царевны Софьи и Петра Великого, называл Мазепу «черкасским гетманом»¹⁵⁹. Феофан Прокопович в своей «Истории императора Петра Великого» использует эти слова как синонимы. Так, гетман Мазепа, по словам Феофана Прокоповича, был родом «Малороссийчик, или как просто зовут Черкасин»¹⁶⁰.

Слово это дожило до екатерининских времен. Новороссийский генерал-губернатор Синельников в деловых документах использовал понятие «черкасы» уже в восьмидесятые годы XVIII века¹⁶¹. Более того, даже в XIX веке оно было известно не одним лишь историкам. А. О. Смирнова-Россет поминает «черкасов с чубами» в письме к Константину Аксакову¹⁶² и в своих автобиографических записках¹⁶³, хотя уже на рубеже XVII–XVIII веков слово «черкасы» заменялось входившими в употребление понятиями: «малороссияне», «народ малороссийский».

---

¹⁵⁷ Цит. по: Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. – М.: Археографический центр, 1999. С. 58.

¹⁵⁸ Коллинс С. Нынешнее состояние России // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text1.phtml?id=715>.

¹⁵⁹ Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. – М.: Современник, 1990. С. 324.

¹⁶⁰ История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно // Прокопович Феофан. Избранные труды / сост. И. В. Курукин. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 524.

¹⁶¹ См.: Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. С. 27.

¹⁶² Цит. по.: Колосова Н. П. Россети черноокая. – М.: Прогресс-Плеяда, 2003. С. 216.

¹⁶³ См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 348.

Народ малороссийский

Само понятие «Малая Россия» придумали греки. Так в первой половине XIV века Константинопольский патриарх и его приближенные называли земли «королевства русского» (то есть Галицко-Волынского княжества) и галицкой епархии.

В 1299 году, после нового разорения Киева татарами, митрополит Киевский и всея Руси Максим переехал в северо-восточную Русь, во Владимир-на-Клязьме. Тогда великий князь Галицкий Лев Данилович начал добиваться, чтобы в его землях создали новую митрополию. Добиться удалось только его сыну Юрию Львовичу в 1305 году. Так появилась новая митрополия – Галицкая. В ее юрисдикцию входили всего шесть из девятнадцати русских епархий. Не только северо-восточная Русь, но и Киев, Чернигов, Смоленск, Псков, Новгород – все эти епархии остались под властью митрополита Киевского и всея Руси. Русский историк Александр Соловьев предположил, что именно отсюда и появилось словосочетание «Малая Русь»¹⁶⁴. Не «старшая» Русь и не «первоначальная», а всего лишь меньшая по размеру.

Новая митрополия просуществовала несколько лет – до смерти Нифонта, первого галицкого митрополита. Его преемник Петр был уроженцем галицкой земли, но жить предпочитал в северо-восточной Руси, дружил с московскими князьями. Он восстановил церковное единство Руси. Правда, споры о единстве и попытки разделить Киевскую митрополию будут идти еще долго и завершатся только в середине XV века, когда в Москве будет сидеть митрополит Московский и всея Руси, а в Киеве – митрополит Киевский и всея Руси.

Но в XIV веке понятие «Малая Русь» существовало в основном на бумаге, в переписке деятелей церкви. «Малой Русью» обычно называли только Галицию и Волынь. Иногда, правда, так обозначали вообще все западные русские земли, которые к концу века окажутся под властью поляков и литовцев. Сами русские в то время «малороссиянами» себя не называли. Только Юрий II Болеслав, последний правитель Галиции (сын князя Тройдена Мазовецкого и галицкой княжны), в 1331 году называл себя в грамоте к магистру Тевтонского ордена «природным князем всей Малой Руси»¹⁶⁵. Малая Русь здесь – только земли его княжества. Польского короля Казимира Великого, которому и досталась Галиция, в канцелярии патриарха Константинопольского называли «королем Ляхии и Малой России»¹⁶⁶. Но в XV веке наименование «Малая Русь» исчезает надолго. Возрождается оно только на рубеже XVI–XVII веков, когда на Западной Руси развернулась полемика вокруг унии. Интересно, что один из первых текстов, где упоминаются «христиане Малой Руссии», был составлен церковным писателем Иоанном Вишенским опять-таки в греческих землях – на Афоне¹⁶⁷.

Теперь Малой Русью называли все населенные русинами земли Речи Посполитой. Так, в 1643 году в типографии Киево-Печерской лавры напечатали текст молебна с поминанием святых, «в Малой России просиявших»¹⁶⁸.

Деятели церкви имели вес в тогдашнем мире. Не удивительно, что слова «Малая Русь» были хорошо известны и гетманам, и козацким полковникам. Уже в двадцатые годы XVII века запорожские козаки называли свое отечество «Малой Россией»¹⁶⁹. В письме Богдана Хмельницкого к реестровому полковнику Ивану Барабашу, отправленном осенью 1647-го, то есть

¹⁶⁴ Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 28.

¹⁶⁵ Там же. С. 29.

¹⁶⁶ Там же. С. 32.

¹⁶⁷ Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 35.

¹⁶⁸ Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 377.

¹⁶⁹ Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 29.

почти за полгода до восстания, говорилось о «правах и вольностях казацких и Малороссийских»¹⁷⁰.

После Переяславской рады страна перешла под власть московского царя, который даже сменил свой прежний титул («государь и самодержец всея Руси») на новый: «государь всея Великая и Малая Росии». Две Руси, западная и восточная, объединились. Казалось, естественно было бы сохранить за народом древнее русское имя, перестать называть московских русских «москалями» или «москвой», а западных русских (русинов) – «хохлами» и «черкасами», ведь и те, и другие – русские, Русь. Они исповедовали одну религию. Говорили хоть и на различных, но все-таки еще очень похожих языках¹⁷¹. Но не тут-то было. Различия между народами были слишком заметны. Оказавшись в одном государстве, русские и русины не могли больше называться одним именем. Простой народ сохранил прежние имена («хохлы», «москалы»), но официальный язык требовал других слов. И здесь снова пригодилась «Малая Русь», включенная даже в титул государя.

Термин «Малая Россия» вскоре стал достаточно распространенным, а в переписке между козацкой старшиной и властями царства Московского – общепринятым. Незадолго до Конотопской битвы козацкая старшина Правобережья обратилась с посланием к московскому воеводе Григорию Ромодановскому и промосковскому наказному гетману Ивану Беспалому. В письме козацкие полковники называли своей «отчиной» «Малую Росию»¹⁷². Среди подписавших письмо находим имена Ивана Богуна, Остапа Гоголя, Петра Дорошенко.

«Народ малороссийский» упомянут в мае 1660 года в письме козацкого полковника Василия Золотаренко¹⁷³. Слово прижилось, его стали использовать и в московских приказах, и в гетманской канцелярии. К концу XVII века это был уже вполне официальный термин. В договоре, который заключил Василий Голицын, представлявший интересы правительства царевны Софьи, и козацкая старшина (элита козачества) во главе с только что избранным гетманом Иваном Мазепой («Каламакские статьи» 1887 года), говорится именно о «малороссийском народе». Сам гетман Иван Мазепа выступал от имени «войска Запорожского и народа Малороссийского»¹⁷⁴. Мазепа писал своим полковникам об «отчизне нашей малороссийской», о «вольном нашем народе малороссийском»¹⁷⁵. В Москве создали даже специальный Малороссийский приказ, занимавшийся делами этой богатой, но беспокойной страны. В XVIII веке слово «малороссияне» стало уже общепринятым.

Образованные украинцы понятия «Малороссия», «Малая Россия», «малороссияне» приняли и охотно употребляли. Даже название «История русов, или Малой России» отразило эту перемену. Хотя интересовавшиеся историей люди, читатели всё той же «Истории русов», хорошо знали, что прежде именно они звались «руськими», русскими.

Русский человек (великоросс) в самих названиях «Великая Русь» и «Малая Русь» невольно находит приоритет, старшинство Руси Великой. Но украинец, очевидно, не видел ничего обидного, уничижительного в словах «Малая Россия», «малороссияне», «малороссы». Не видел он ничего особо замечательного и в словах-антонимах: «Великороссия», «великороссияне», «великороссы». «Великий» по-украински значит просто «большой»¹⁷⁶.

¹⁷⁰ Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь. С. 37.

¹⁷¹ Староукраинский язык ближе к русскому, чем современный украинский.

¹⁷² Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. – М.: Центрполиграф, 2011. С. 267.

¹⁷³ Степанов Д. Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 18.

¹⁷⁴ Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. – М.: Молодая гвардия, 2007. С. 197.

¹⁷⁵ Батурицкий архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 274.

¹⁷⁶ Позднее украинские патриоты будут еще и так трактовать противопоставление Великой и Малой России: Великая Россия – это аналог Великой Греции, то есть большая, неизмеримо разросшаяся и разбогатевшая колония Малой Руси, Руси настоящей. Увы, эрудированный и дотошный Александр Соловьев доказал, что сопоставление это лишено смысла. Во-первых,

Поэтому Гоголь употреблял слово «Малороссия» как синоним «Украины», не более того. Только во второй половине XIX – начале XX веков слово «малоросс» обретет новый смысл. Тогда «малороссами», «малороссиянами» будут называть сами себя русифицированные украинцы, сторонники идеи «большой русской нации». Они признают себя «младшими братьями» русских. Но в гоголевские времена этого нового значения у слова еще не возникло. Поэтому Гоголь писал об упоительном дне в Малороссии и об украинской ночи, свободно используя понятия, которые со временем станут взаимоисключающими.

Вслед за Гоголем и мы будем использовать эти слова как синонимы.

Античность знает Великую Грецию (богатые греческие колонии на юге Италии), но не знает Греции Малой. Элладу античные авторы так не называли. Во-вторых, в Средние века деление стран на «великие» и «малые» было чрезвычайно распространено. Великая и Малая Скифия, Великая и Малая Татария, Валахия... Но закономерность в разделении на «великих» и «малых» найти трудно. Нередко именно древняя родина называлась «великой», а новая родина – «малой». Скажем, Великая Венгрия – Югра, а Малая Венгрия – собственно дунайская Венгрия, куда венгры пришли только в IX веке, Великая Болгария – Волжская Болгария, а Малая Болгария – Болгария балканская.

Страна козаков

«Що то за Маросияне? Нам ёго й вимовить трудно», – говорили всё те же украинские крестьяне, что отказались считать себя русскими. «Малороссиянин – слово книжное, и они (украинские крестьяне. – С. Б.) его не знают», – пояснял Пантелеймон Кулиш. Вопреки этому свидетельству, в украинском фольклоре слово «малороссияне» известно. Даже неграмотные украинцы могли его не раз слышать, скажем, от русских чиновников или от панов. Тот же Кулиш услышал от восьмидесятилетнего козака Семена Юрченко историю о том, как светлейший князь Потемкин будто бы обратился к Екатерине II с просьбой набрать в армию «из трех губерний чистых малороссиян»¹⁷⁷, высоко ценя их боевые качества. Слово «малороссияне» часто использовал и Шевченко, но только в русских повестях, в своем русском дневнике и в письмах к русским адресатам. В его поэзии этого названия нет, как нет там и Малой Руси. В поэзии есть «козаки».

Слово «казак» впервые упомянуто еще в XIII веке в тексте под названием *Codex Cumanicus*, составленном, видимо, в Кафе (Феодосии) монахами-францисканцами. «Казак» там был часовым, стражником. В XIV–XV веках это слово имело уже два значения, противоположных только на первый взгляд: 1. наемный воин, стражник; 2. изгнанник, скиталец, авантюрист¹⁷⁸. В сущности, и те, и другие – люди, порвавшие со своим родом, с привычным окружением, головорезы, которые решили или продать подороже свою саблю, или, если покупателя не нашлось или искать его было унизительно, сами добывали себе пропитание всё той же саблей.

С конца XV века слово «казак» («козак») всё чаще обозначает уже не татарина, а славянина, казака донского или «черкасского».

Обжитые земли Московского Великого княжества и Великого княжества Литовского отделялись от Крымского ханства широкой полосой земель, почти незаселенных – Диким полем. Жить в Диком поле было слишком опасно для нормального обывателя. Другое дело – воинственный и вооруженный авантюрист. Ему вдали от начальства – воеводы, старосты, каштеляна – только вольготнее. Но лучше предоставим слово писателю. Среди обширных и не воплощенных в жизнь планов Николая Васильевича Гоголя была и книга об истории Малороссии.

Из статьи Н. В. Гоголя «Взгляд на составление Малороссии»: «И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь – копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей – татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо – превративший мирные славянские поколения в воинственный, известный под именем козаков народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это пустошительное разлитие двух магометанских народов (татар и турок. – С. Б.), грозивших поглотить Европу»¹⁷⁹.

Козаков стали использовать в своих целях и военные власти Великого княжества Литовского, а позднее – и власти польской короны. Войск для охраны южных границ от крымских и буджакских татар не хватало, а козаки подходили на роль пограничной стражи. Однако их военный потенциал оказался гораздо значительнее. Первые настоящие организаторы украинского казачества – староста хмельницкий Предслав Лянцкоронский и староста черкасский и каневский Евстафий Дашкевич – перевооружили козаков и начали успешно воевать против

¹⁷⁷ Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 67.

¹⁷⁸ См.: Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 228–229.

¹⁷⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. С. 86–87.

татар и турок, отвечая набегом на набег. Воевали казаки и против русского (Московского) государства, но главным противником все-таки оставались басурмане. В начале 50-х годов XVI века Дмитрий Вишневецкий, христианский рыцарь, посвятивший жизнь войне против ислама, основал замок на острове Малая Хортица, что в нижнем течении Днепра. Уже летом 1557-го замок был окружен татарами. Вишневецкий с козаками отступил в Черкассы, а укрепления на Хортице были разрушены татарами. Но именно с этого замка пошла история Запорожской Сечи.

Днепровское (Запорожское) казачество поставил на службу Речи Посполитой Стефан Баторий, учредив казачий «реестр». Реестровые казаки получали жалованье за службу польской короне и воевали за польские интересы на всех южных и восточных фронтах – от Смоленска до Молдавии. Позднее польский опыт используют русские, превратив донских казаков из разбойников и головорезов в исполнительных и верных стражей Московского царства, а затем и Российской империи. Но в Польше сделать казаков опорой государства не удалось.

С течением времени желающих пойти в казаки становилось всё больше, контролировать их было всё труднее, а отношения между поляками-католиками и православными подданными польского короля становились всё хуже. Козацкие восстания превращались в кровопролитные войны, которые подавляли со всё большим трудом. Наконец, первое действительно успешное восстание 1648 года привело Речь Посполитую на грань гибели, а казаки во главе с Богданом Хмельницким создали что-то вроде военно-политического объединения, почти государства, называвшегося «Войско Запорожское».

Русские историки, начиная с Николая Ульянова, напуганные украинским национализмом, не раз пытались развенчать «козацкий миф», доказать, что казаки – особое сословие, чуждое малороссийскому народу. Но эта критика критики не выдерживает. Если старшина, как и положено всякой элите, старалась обособиться, то путь в простые казаки был открыт всякому еще долго. Во время непрерывных войн, продолжавшихся от битвы при Желтых Водах до разрушения Чигирин князем Ромодановским, любой смелый мужик мог сменить соху и борону на саблю и рушницу (ружье) и пойти в казаки. В 1654 году в Стародубе не стало мещан, потому что все мужчины записались в казаки¹⁸⁰. Недаром на старых европейских картах «Украина» называлась «Землей Козаков» (*Terra Cosaccorum*)¹⁸¹. Самых русинов-украинцев европейцы в XVII–XVIII веках именовали «нацией казаков» или «украинской казацкой нацией»¹⁸².

В XVIII веке всё чаще было наоборот: потомственные казаки, не желавшие служить, переходили в крестьянское сословие. Об этом хорошо знали и российские власти: «Прежние малороссийские земледельцы (поспольство) мало чем различествовали от козаков»¹⁸³, – сообщал генерал-губернатор князь Репнин императору Николаю I.

Козаками были почти все народные герои, а ведь песни о них украинский крестьянин мог слушать еще в колыбели. Украинский фольклор не противопоставлял мужиков козакам. Напротив, народные песни и думы рассказывают именно о козаках: «Еще и ныне простой пахарь воспевается в песнях лишь в поэтическом и любезном народу образе казака»¹⁸⁴, – писал Иван Аксаков в 1858 году.

¹⁸⁰ См.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Прага, 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 88–89.

¹⁸¹ Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст. Атлас репродукцій. – Київ: ДНВП «Картографія», 2009. С. 120–121.

¹⁸² Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в литературной и научной публицистике XIX века // Русские об Украине и украинцах. С. 195.

¹⁸³ Письмо кн. Н. В. Репнина к императору Николаю Павловичу / подгот. Ст. фон Нос // Киевская старина. 1882. Т. 4. Декабрь. С. 558.

¹⁸⁴ «Русская Беседа». История славянофильского журнала. Исследования. материалы. Постатейная роспись. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 149.

Историк и журналист Виктор Аскоченский оставил интересные воспоминания о встречах с Тарасом Шевченко. При первой встрече Шевченко его спросил: «То ви, мабуть, козак?» Поэт имел в виду не сословную, а национальную принадлежность Аскоченского. Тот ответил по-малороссийски: «Був колись» (был когда-то). Затем уточнил, что предки его в самом деле были казаками, но казаками донскими. Когда же Аскоченский спел украинскую песню «Злетів орел попід небо, жалібно голосить...», то Шевченко, выпивший к тому времени, воскликнул: «Сучий я син, коли ви не козак!.. Козак, щирий козак!»¹⁸⁵

Шевченко не был исключением. «Козаками» или «казаками» называли украинцев даже русские, побывавшие в Малороссии, – вспомним нашего давнего знакомого, князя И. М. Долгорукого. Для него слова «хохол», «малороссиянин» и «козак» были синонимами¹⁸⁶. «Малороссияне именовались прежде козаками»¹⁸⁷, – писал Левшин.

Козак и мужик – не социальные антагонисты, как пан и мужик. Козак – тот же мужик, только вооруженный, сменивший плуг и упряжку волов на коня и саблю. Запорожский козак «близок сердцу народа, как главный выразитель самостоятельной народной силы и народных стремлений»¹⁸⁸. Он был героем песен и дум, в украинском народном вертепе его даже изображали так, будто он больше, крупнее остальных героев. Козак – образец для подражания. Потенциально – это любой украинец. Отсюда и необыкновенный успех «козакоманства» Шевченко, так раздражавший не только русских, но и просвещенных украинцев вроде того же Кулиша. Отсюда и слова Павло Чубинского, ставшие частью национального гимна:

Душу й тіло ми положим за нашу свободу
И покажем, що ми, браття, козацького роду.

---

¹⁸⁵ Аскоченский В. И. И мои воспоминания о Т. Г. Шевченке // Воспоминания о Тарасе Шевченко. – Киев: Днипро, 1988. С. 135, 137.

¹⁸⁶ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 252.

¹⁸⁷ Левшин А. Письма из Малороссии. С. 60.

¹⁸⁸ Галаган Г. П. Малорусский вертеп // Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 34.

Украина це окраина?

Военный инженер Гильом Левассер (Гийом ле Вассер) де Боплан напечатал в Руане книгу, которая называлась «Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании»¹⁸⁹. Автор много лет провел на службе у польского короля Владислава: руководил строительством крепостей, воевал против повстанцев Острияницы и Павлюка, исследовал днепровские берега и составлял топографические карты. Вскоре после смерти короля Владислава де Боплан оставил охваченную войной Речь Посполитую и вернулся на родину. Там в 1651 году он и выпустил свою книгу о стране, где провел около семнадцати лет. Тираж – сто экземпляров – предназначался друзьям. Но книга вызвала интерес. И в 1660 году там же, в Руане, вышло второе, исправленное и дополненное издание книги де Боплана. Теперь книга называлась иначе: «Описание Украины, которая составляет несколько провинций Королевства Польши. Простирается от пределов Московии вплоть до границ Трансильвании»¹⁹⁰. Название де Боплан переименовал не случайно. Видимо, за годы кровопролитной войны между Россией («Московией»), Речью Посполитой и Швецией, продолжавшейся уже много лет, европейцы были уже наслышаны об этой стране «Украине».

После второго руанского издания появилось издание парижское. Книгу де Боплана перевели на английский, немецкий, польский, на латынь. Без ссылок на сочинение де Боплана не обходились историки и писатели, но первый русский перевод появился только в 1832 году¹⁹¹.

Николай Васильевич Гоголь не только читал «Описание Украины», но даже вывел де Боплана в «Тарасе Бульбе» под именем «иностранный инженер», который руководит польской артиллерией в сражениях при Дубно.

Однако де Боплан известен не только как военный инженер и мемуарист. Он был выдающимся картографом. Карты, им составленные, выкупил польский король. Поляки будут пользоваться ими во время войн с русскими («московитами»), козаками и турками.

«Генеральная» карта Украины, впервые составленная де Бопланом еще около 1639 года, позднее не раз будет издаваться типографиями Данцига, Руана, Амстердама. Вот передо мной репродукция карты 1660 года, выпущенная вместе со вторым изданием «Описания Украины»¹⁹². На картуше карты читаем: «*Carte d'Ukraine Contenant plusieurs Prouinces comprises entre les Confins de Moscouie et les Limites de Transilvanie*» («Карта Украины с многочисленными ее провинциями от окраин Московии до границ Трансильвании»).

В 1712 году в Нюрнберге знаменитый гравер и картограф Иоганн Баптист Гоманн издал карту под названием «*Vkrania quae et Terra Casaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minorisq Tartariae provinciis*» («Украина, или Казацкая земля с прилегающими провинциями Валахии, Молдавии и Малой Татарии»). Под «Малой Татарией» здесь понимались земли Крымского ханства. Причем на картуше, украшенном изображением гетмана Мазепы, слово Украина написано как «*Vkraina*», а собственно на карте как «*Ukraina*»¹⁹³.

На самом деле слово «Украина» (Оукраина) появилось намного раньше. Его первое упоминание относится к концу XII века. В Ипатьевской летописи под 1187 годом рассказыва-

¹⁸⁹ Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie.

¹⁹⁰ Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie.

¹⁹¹ См.: Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1832.

¹⁹² См.: Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. С. 14–15.

¹⁹³ Там же. С. 120–121.

ется о смерти переяславского князя Владимира Глебовича, по которому «очень горевала Украина» («Оукраина много постана»)¹⁹⁴.

Из-за этой фразы давно спорят историки, филологи и даже политики, при этом ученые разделяются обычно не по научным школам, а по национальностям. Большинство русских доказывает, что речь шла не о какой-то особой стране, а всего лишь об одной из окраин Руси, которой можно считать Переяславское княжество, – оно действительно лежало на степной окраине русских земель. Украинцы же стараются доказать, что «Украина» – это не окраина, а страна, край, земля.

Всё та же Ипатьевская летопись упоминает и «украину Галицкую» (1189), которую тоже можно принять за еще одну, на этот раз западную, окраину русских земель, а можно посчитать ее и особой землей, краем. Так, украинский академик Григорий Пивторак не только решит, что «оукраина» значит «страна», но и всерьез назовет Киевскую Русь «раннеукраинской» державой¹⁹⁵.

В русских источниках времен царства Московского слово «украина» означало как правило именно окраину, отдаленную пограничную землю.

Из грамоты царя Федора Иоановича к донским казакам (1593): «...царь и царевичи (татарские. – С. Б.) пойдут на наши украины и с ними азовские люди <...> а велено черкасом запорожским гетману Хриштопу Косицкому и всем атаманом и черкасом быть на Донце на шляхах и за царем идти к нашим украинам»¹⁹⁶.

Даже русские города на южной границе – Тула, Кашира, Калуга, Таруса, Веря, Брянск – еще в середине XVII века назывались «украйнными», или «украинскими», городами¹⁹⁷. В это же время города собственно Украины (Малой Руси) назывались «городками черкасскими».

В «Повести об Азовском осадном сидении» донские казаки грозят осадившим крепость туркам: «...собралось бы тут его государевых людей с одной лишь Украины многое множество! И таковы его государевы люди с русской Украины, что, подобно львам яростным, алчут и хотят отведать вашей плоти басурманской»¹⁹⁸.

Последний год Азовского осадного сидения – 1641-й. В этом же году турки и предприняли многомесячную осаду крепости. Повесть составлена не позднее 1642 года. В это время земли Украины еще находились под властью Речи Посполитой. Донские казаки никак не могли назвать эти земли «русской Украиной». «Украина» здесь – пограничные земли царства Московского, государевы люди с Украины – русские войска, оборонявшие засечную черту, границу. Во время Азовского сидения войска царя московского были выдвинуты как раз к южным рубежам, к засечной черте, чтобы отразить возможный татарский набег. Правда, в рядах защитников Азова сражался и большой отряд запорожцев, но «государевыми людьми» они не были, так что речь шла не о них.

После Переяславской рады украинские земли воспринимались русскими как новая окраина России, что было вполне естественно: географически это в самом деле была юго-западная окраина. «Малороссия была действительно Украиной, т.е. пограничной землей»¹⁹⁹, – писал Иван Аксаков в пятидесятые годы XIX века, когда большая часть украинских земель уже была

¹⁹⁴ Ипатьевская летопись // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/acts/12/pvl/ipat0.htm>.

¹⁹⁵ Пивторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. – Київ: Академія, 2001. URL: <http://izbornyk.org.ua/pivtorak/piv12.htm>.

¹⁹⁶ Історія України в документах і матеріалах. Т. 3. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1941. С. 25.

¹⁹⁷ Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. первое. Т. 1. 1649–1675 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. С. 278, 487, 489.

¹⁹⁸ Повесть об Азовском осадном сидении // Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Худож. лит., 1987. С. 285.

¹⁹⁹ Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. С. 9.

далека от новых границ империи. В свою очередь, земли Западной Руси были окраиной и для поляков. Украина – окраина Речи Посполитой, земля по соседству с «дикими полями»²⁰⁰.

Но выслушаем и другую сторону – «Летопись Самовидца», важнейший источник по истории Украины и украинско-русских отношений от Богдана Хмельницкого до Мазепы²⁰¹. Ее автор, предположительно²⁰² бывший сотник Нежинского полка Роман Онисимович Ракушка-Романовский (1623–1703) прожил жизнь для своего времени долгую и весьма интересную. Сын реестрового козака, он был человеком грамотным, не раз выполнял дипломатические поручения. При гетмане Брюховецком сделал блестящую карьеру, став подскарбием (казначеем) Войска Запорожского. Но после гибели Брюховецкого светской карьере Романа Онисимовича пришел конец. Он принял священнический сан и после долгих приключений поселился в городе Стародубе (на восточной Украине), где служил священником церкви святителя Николая. Там он провел последние тридцать лет жизни, там и работал над летописью. Свою страну автор Летописи Самовидца называет «Украиной».

Написана летопись староукраинским языком, который русскому читателю покажется понятнее современного украинского, но я все-таки буду переводить цитаты: «Итак, снова Украина вся оказалась под властью короля польского, кроме Переяславля, и Нежина, и Чернигова с волостями, потому что в тех городах оставались (московские – С. Б.) воеводы»²⁰³. Брюховецкого летописец называет «украинским» гетманом²⁰⁴, пишет о «старожитной шляхте украинской»²⁰⁵, отличает «города украинские» от «городов московских»²⁰⁶. Невозможно представить, будто летописец в самом деле считал свою страну только окраиной Польши или царства Московского. Да ведь в тексте он и различает пограничье и страну-Украину, например, упоминает: «Умань, преславный город украинский пограничный...»²⁰⁷

«Отчизна наша Укратино-Малороссийская», – так называет свою страну Самуил Величко, автор другой известной «козацкой» летописи²⁰⁸.

Богдан Хмельницкий неоднократно называл свое отечество «Украиной». И гетман здесь не произвел филологической революции. Слово «Украина» хорошо знали и простые люди. Перед сражением при Желтых Водах (апрель 1648 года) реестровые козаки перешли на сторону Хмельницкого, чтобы «служить верою и правдою церкви святой и матери нашей Украине»²⁰⁹.

Некий Мишка, по-видимому, холоп боярина П. В. Шереметева, оказался в начале 1668 года в Новгороде-Северском. Там он слушал и записывал разговоры козаков. Если верить ему,

²⁰⁰ Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 36.

²⁰¹ Вообще-то летопись доведена до 1734 года, но после 1702-го ее вел уже не автор, а его преемники.

²⁰² Рукопись летописи не имеет ни заголовка, ни имени автора. Название «Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти» дано П. Кулишем, обладателем одного из четырех сохранившихся списков летописи, и О. Бодянским, который подготовил к печати и опубликовал ее. Авторство Романа Ракушки установлено исследователями – Петром Сердюковым, Александром Оглоблиным, Николаем Петровским.

²⁰³ Эта и последующие цитаты из «Летописи Самовидца» дается в переводе на современный русский литературный язык. Оригинал см.: Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. – М.: Унив. тип., 1846. С. 34. (Далее «Летопись Самовидца».)

²⁰⁴ «Между тем Запорожские Козаки в раде своей самовольно Брюховецкого украинским огласили гетманом». См.: Летопись Самовидца. С. 37.

²⁰⁵ Там же. С. 78.

²⁰⁶ Там же. С. 64, 72, 90.

²⁰⁷ «Летопись Самовидца» по новооткрытым спискам: С прил. 3-х малорос. хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». – Киев: Киев. врем. комис. для разбора древ. актов, 1878. С. 124.

²⁰⁸ В оригинале даже в одно слово – «украиномалороссийская». См.: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / сост. Самоил Величко, б. канцелярист Канцелярии Войска Запорожского, 1720.: в 4 т. Т. 1. – Киев: Лито-типографическое заведение Иосифа Вальнера, 1848. С. 5. См. также: Кулиш П. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 83.

²⁰⁹ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. С. 111.

то и простые «черкасы» уже тогда называли родную страну «Украиной»²¹⁰. Знаменитый козацкий атаман Семен Палий, герой войн с турками, величал ее «свободной казацкой Украиной»²¹¹. Злейший враг Палия гетман Иван Мазепа в своем универсале говорил о «нашей Украине»²¹². Универсал гетмана, как и манифест императора, – это одновременно и закон, и обращение к народу, а потому язык универсала должен быть прост и всем понятен. Если гетман называет свою страну «Украиной» и рассчитывает при этом на поддержку народа, значит, понятие «Украина» было уже хорошо известным, общепринятым и среди простых людей. О «национально мыслящей» элите и говорить нечего. Пилип (Филипп) Орлик, бывший генеральный писарь при Мазепе, а после его поражения и гибели – политэмигрант, утверждал, будто Мазепа действовал «ради общего добра нашей бедной Украины, для пользы всего Войска Запорожского и народа малороссийского»²¹³.

Словом, и простые козаки, и гетманы, полковники, атаманы – все называли свою родину Украиной. Не украиной / окраиной Польши или царства Московского, а просто Украиной – страной, родной страной.

В Европе, как мы помним, впервые узнали и приняли не русскую, а именно украинскую трактовку понятия «Украина». Гильом де Боплан, посвящая свое сочинение польскому королю Яну Казимиру, писал о «пограничной Украине, находящейся между Московией и Трансильванией»²¹⁴. Иоганн Баптист Гоманн напечатал в своем атласе карту «Украины, или Казацкой земли», а не карту польской или московской украины/окраины. Матеус Зойтер издал в Аугсбурге в 1742 году карту «Украинского королевства с Киевским и Брацлавским воеводствами»²¹⁵. Здесь Украина не имеет ничего общего с окраиной или пограничьем.

Советские историки, этнографы и филологи к единой трактовке так и не пришли. В последнем издании Большой советской энциклопедии принята была «русская» точка зрения: «Название “Украина” первоначально относилось к отдельным юго-западным русским землям, означая пограничье страны (от “край” – граница)»²¹⁶.

В энциклопедии «Народы России», изданной в постсоветском 1994-м, но подготовленной еще в СССР, приняли «украинскую» и «европейскую» трактовку: «Основой этнонима <...> стал термин “краина”, т.е. страна, к-рый к 18 в. закрепился в офиц. документах и восходит к назв. “Украина” (“край”)...»²¹⁷.

В современном русском языке слово «край» – однокоренное с Украиной – может означать и особую землю («Краснодарский край»), и окраину («на краю села»). Посмотрим, как в других славянских языках. По-польски «страна» – «kraj». По-сербски – «крајина». При этом в сербском языке у слова «крајина» есть и другое, знакомое нам значение – окраина государства, пограничная область. То есть перед нами омонимы.

Слово «Украина» / «украина» может означать и страну, и пограничную область. Для русского (великоросса) «Украина» и в самом деле – пограничье, юго-западная окраина. Для украинца – страна, земля. Противоречия здесь нет. Есть всего лишь два взгляда на один предмет: свой и чужой, украинский и русский. И оба правы, и оба исторически и филологически верны.

А как же быть со словом «украинец»?

²¹⁰ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нашокина и попытки ее осуществления. – М.: Индрик, 2013. С. 324.

²¹¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 122.

²¹² Там же. С. 248.

²¹³ Там же. С. 182.

²¹⁴ Боплан Гильом Левассер де. Описание Украины // Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России / пер. В. Г. Ляскоронского. – Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1901. С. 1.

²¹⁵ Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. С. 160–161.

²¹⁶ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 26. С. 539.

²¹⁷ Народы России. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 357.

Впервые украинцем назвал себя пленный запорожский козак Олешка Захарьев в 1619 году²¹⁸. Свидетельство об этом сохранилось в архиве Разрядного приказа²¹⁹. Правда, мы не знаем, что вкладывал в слово «украинец» сам Олешка Захарьев и насколько распространенным было самоназвание «украинец» в ту далекую эпоху.

Зато в гоголевское время понятие «украинец» было уже хорошо известно. Сам Николай Васильевич дважды упоминает «украинский народ» в «Страшной мести». Знали и употребляли это понятие и русские образованные люди. Из романа Антония Погорельского «Монастырка»: «Усатый, тучный украинец, не отвечая мне ни слова, покривил рот, почесал подбриту ю в кружок голову, медленными шагами вышел в другую комнату <...> Угрозы мои не изменили ни одной черты неподвижной физиономии упрямого украинца»²²⁰.

Здесь украинец – не просто житель Украины. Сам Антоний Погорельский (Алексей Алексеевич Перовский) подолгу жил в своих украинских имениях – Погорельцах и Красном Роге, однако украинцем себя не называл. Украинцы в его романе – это украинские крестьяне, которые и говорят, и ведут себя не так, как русские.

А что же сами крестьяне, которые так упорно отказывались отождествлять себя с русскими, малороссиянами, хохлами? Называли они себя украинцами? Неизвестно. Тарас Шевченко понятие «украинский народ» употреблял крайне редко. В комментарии к своему офорту «Дары в Чигирине 1649 года» Тарас Григорьевич упоминает «народ украинский, уже вольный и сильный»²²¹. Об «Украине» он писал много, он даже ставил ее выше Бога. Однако с точки зрения современного демографа или этнографа и тем более политолога или философа, Шевченко вообще не украинец, раз украинцем себя прямо не называл. Что уж говорить о неграмотных крестьянах, которые скромно называли себя и своих соотечественников «наші мужики-сіряки»²²². Или, как знакомые нам собеседники Кулиша, «люде так собі народ...»²²³. Что поделаешь, не научили их в школе, как «правильно» отвечать на вопросы этнографа.

---

²¹⁸ См.: Хорошкевич А. Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. С. 40.

²¹⁹ Разрядный приказ занимался делами служилых людей, строительством крепостей, формированием гарнизонов, их вооружением, снабжением.

²²⁰ Погорельский А. Сочинения. Письма / изд. подгот. М. А. Турьян. – СПб.: Наука, 2010. С. 162, 163.

²²¹ Еще раз «украинский народ» упоминается в начале повести «Близнецы». В «Письме редактору Народного чтения», своеобразной автобиографии Шевченко, говорится об «украинской народности».

²²² Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. – Київ: Довіра, 1992. С. 155.

²²³ Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 235.

Часть III Этнография нации

Русский взгляд на украинца

В XIX веке украинцу еще никто не разъяснил, что он украинец, а русский мужик, если верить современной науке, знать не знал, что он русский. Оба просто не подходили под современные определения нации.

Скучная модернизация едва-едва начиналась в императорской России. Русские и украинские крестьяне после века Просвещения в большинстве своем не умели ни читать, ни писать. Да им и некогда было отвлекаться от важных дел ради этих досужих, барских, панских занятий. А сами баре и пань внешне больше походили на французов, реже – на немцев или англичан, чем на своих крепостных и даже на собственных предков – русских бояр и князей, козацких гетманов и полковников. Господа между собой даже разговаривали на языке, непонятном их собственной прислуге.

Каждая большая деревня жила собственным миром, имела свои обычаи, свои порядки. Мелкие черточки отличали людей из разных деревень, уроженцы разных губерний различались еще больше: одеждой, говором и опять-таки обычаями и традициями. Но и в те времена нация не распадалась на бесчисленное множество общин, деревень, мирков. Разнообразие только укрепляло единство. Границы наций, которые никак не может заметить современный ученый, вооруженный «теорией модернизации» и монографией Бенедикта Андерсона, прекрасно видели современники Гоголя и Шевченко.

Жители Малороссии даже внешне мало походили на великороссов. Они почти не носили бород, но отпускали усы и часто брили головы на козацкий манер. Постоянный труд под южным солнцем преображал внешность. И бледнолицые русские баре с интересом смотрели на украинского крестьянина, бронзового от загара: «Лучи солнца его смуглят до того, что он светится, как лаком покрыт, и весь череп его из желта позеленеет...»²²⁴

В XIX веке стремительно развивались новые науки – этнография и фольклористика. Интеллигентные господа из Петербурга, Москвы, Варшавы приезжали в деревню или небольшой город, заходили в крестьянские избы и хаты, расспрашивали мужиков о жизни, пытались узнать о традициях и обрядах, записать песни, сказки, думы, рассказы о старине. Ездили этнографы и по украинским сёлам. Украинские крестьяне не ждали от русских или польских панов ничего доброго, а потому глядели на ученых с подозрением. Когда же этнограф раскрывал рот и начинал задавать вопросы, которые мужики менее всего ожидали от него услышать, подозрения только усиливались: «О, да се добра казючка!»²²⁵, – решали они и «хитрости» барина противопоставляли свою собственную хитрость. На вопросы отвечали уклончиво, прикидывались дурачками, тупицами, не понимающими, о чем их вообще спрашивают. Но все-таки находились этнографы, сумевшие завоевать сердца недоверчивых малороссиян. Среди них были и поляки (Зориан Доленга-Ходаковский), и русские (Измаил Срезневский), и, разумеется, образованные малороссияне: Пантелеймон Кулиш, Михаил Максимович, Михаил Драгоманов. Все они старались не только описать материальную культуру, но и рассказать о «нравах», «темпераменте», «мировоззрении» малороссов. Сведения, добытые этнографами, использовали авторы учебников и научно-популярных сочинений. Наблюдения этнографов подтверждаются и сви-

---

²²⁴ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами... С. 242.

²²⁵ Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 236.

детельствами русских путешественников, и воспоминаниями помещиков, которые подолгу жили в своих малороссийских имениях, и даже высказываниями государственных чиновников. Удивительно, но на протяжении почти целого столетия об украинцах писали приблизительно одно и то же.

На взгляд русского образованного человека, типичный украинец (малороссиянин, южно-росс, хохол) «угрюм, неразговорчив, самоуверен»²²⁶, скрытен и упрям. Вообще редкий русский наблюдатель не писал о «хохлацком упрямстве»²²⁷. Алексей Левшин, расположенный к малороссиянам, описывал их почти так же: «... умные лица и усы, при крепком сложении, обритой бороде и высоком росте, придают им величественный вид. Жаль, что они неповоротливы»²²⁸.

Эту серьезность, меланхоличность отмечали и русские, и сами украинцы. Пантелеймон Кулиш сочтет «глубокое спокойствие» малороссиян национальной чертой, а Тарас Шевченко – следствием тяжелой доли: «... бедный неулыбающийся мужик <...> поет свою унылую задумчивую песню в надежде на лучшее существование»²²⁹.

Свадьба – одно из самых радостных событий в жизни человека. На украинском языке она даже и называется «весілля». Но вот И. М. Долгорукий и на свадьбе заметил мало радости. Князь нашел, что в родной Великороссии много лучше, веселее и женихи, и невесты, и свадебные обряды: «Взгляните вы на Хохла, даже самого обрадованного <...> который только что женился и с молодой выпался: он тупит глаза, стоит недвижим и ворочается по-медвежьи. Подруга его была бы наказание всякого человека, у коего сердце бьется и ищет сладости жизни, тогда как на Севере, в нашей, можно сказать, железной стороне, где всё уже теперь скутано от мороза, простая девка крестьянская в сарафане так привлекательна, парень молодой в сапогах, заламя шапку, после венца, так затейлив и занимателен. Они могут быть и не Адонис с Венерою, но веселы, резвы, забавны. Свобода и довольство: вот корни, от которых произрастает наше счастье и отрада! А у Хохла, кажется, нет ни того, ни другого...»²³⁰.

Зато русские единодушно писали о честности украинцев. «Воровство и теперь здесь в омерзении», – замечал в начале XIX века Алексей Левшин. Полвека спустя эта оценка слово в слово повторяется преподавателем географии во Владимирской киевской гимназии А. Редровым: «Воровство между малороссами считается самым постыдным, самым ненавистным пороком»²³¹, а еще двадцать лет спустя и Дмитрием Семеновым: «Честность малоросса <...> также известна всем. Случаи воровства очень редки»²³².

Впрочем, сами украинцы относились к себе строже. Этнографом записан анекдот о христианском благочестии. Евреи схватили Христа и водили его по христианским землям: польским, немецким, украинским. Поляки решили: давайте нашего Спасителя отобьем! И Христос полякам за их «щирость» (искренность, великодушие) даровал военную доблесть. И теперь что ни поляк, то вояка. Немцы решили: давайте нашего Спасителя выкупим! Христос и немцам за их «щирость» даровал успех в торговых делах. Что ни немец, то купец. И повели, наконец,

²²⁶ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова составил и издал преподаватель географии во Владимирской Киевской военной гимназии А. Редров. Европейская Россия. – Киев, 1867. С. 261; Лескинен М. В. Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX века. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 81.

²²⁷ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова: в 12 т. Т. 5. Малороссия, Подолия и Вольнь. Ч. 1. – СПб.: Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1897. С. 13.

²²⁸ Левшин А. Письма из Малороссии. С. 75.

²²⁹ Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5: Щоденник. Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Букварь южно-русский». Записи народної творчості. С. 55.

²³⁰ Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 162.

²³¹ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. С. 332; Лескинен М. В. Понятие «нрав народа»... С. 83.

²³² Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученых исследованиям.: в 5 т. Т. 2. Южный край (Малороссия, Новороссия, Крым и земля Донского и Черноморского войска). – СПб.: Изд. тов-ва М. О. Вольфа, 1886. С. 115; См. также: Лескинен М. В. Понятие «нрав народа»... С. 83.

евреи Христа туда, где «наши мужики-сиряки у корчмы стояли, мед-горилку попивали». И один из мужиков предложил: давайте нашего Спасителя выкрадем! И Спаситель не оставил их без награды. И с тех пор повелось: что ни мужик, то вор²³³

---

²³³ См.: Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. С. 155–156.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.